

М. БЕЛОДЕД

МОНОПОЛИЯ

«Филипс»

**ВЛАДЫКИ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
МИРА**

М. БЕЛОДЕД

**МОНОПОЛИЯ
„ФИЛИПС“**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1972**

Б43 Белодед М. А.
Монополия «Филипс». М., Политиздат,
1972.

64 с. (Владыки капиталистического мира).

Деятельность одной из крупнейших международных монополий-спрутов от ее рождения и первых шагов на поприще эксплуатации трудящихся до новейших способов обогащения, методов политического и экономического господства в стране — такова тема настоящей брошюры

Автор описывает многие характерные эпизоды из жизни действительного хозяина концерна — семейного клана Филипсов, ничем не гнушающихся ради накопления богатства и утверждения своей власти. Брошюра предназначена для массового читателя.

1—11—5
157—71

На юго-востоке Нидерландов, в отсталой когда-то провинции Брабант, стоит небольшой город Эйндховен, угодливо называемый западной прессой «городом-светочем», или «столицей всемирной промышленной империи «Филипс»».

В начале июля 1971 года в этой «столице» состоялось коронование нового «властителя» империи, потомственного дворянина Х. ван Римсдейка, получившего корону, то бишь пост президента из рук Фрица Филипса, который возглавлял концерн с 1961 года.

Новый президент из тех, кто рано понял, что к дворянскому титулу очень кстати пришлось бы приданое богатой наследницы. И хотя предприятие это, как мы увидим в дальнейшем, было далеко не безопасным, он в 1938 году женился на уже дважды овдовевшей дочери хозяина электротехнического концерна «Филипс».

Вступая в должность, новый президент произнес программную речь, в которой избегал говорить о своих планах в отношении империи «Филипс», отметив лишь, что «коммерческая деятельность должна быть пересмотрена: все невыгодные предприятия должны быть ликвидированы и излишняя рабочая сила уволена». Затем он долго распространялся о том, что дворянин тоже человек, что, когда он был мальчиком, его, как и всех, наказывали за провинности. Почему-то он даже рассказал, как сложилась его жизнь в качестве зятя грозного Антона Филипса

и как они с женой жили инкогнито вдали от Голландии. И действительно, целый год молодожены как бы находились в подполье, скрываясь от одной иностранной разведки.

Лишь после того как в 1939 году другой зять Филиппа, ставленник гитлеровской Германии, Оттен, добился своего и стал во главе концерна, ван Римсдейк перестал быть опасным конкурентом. Незадолго до нападения вермахта на Голландию, когда клан Филипсов отправился в США, ван Римсдейк с женой присоединились к нему.

Это лишь маленький эпизод в бурной, иногда прямо-таки, казалось бы, неправдоподобной, восьмидесятилетней истории концерна «Филипс», начавшейся с основания небольшого завода электроламп в Эйндховене в 1892 году. История концерна интересна и поучительна не только с социально-экономической, но и с политической и даже психологической точек зрения. Познакомимся же с нею.

Рождение спрута

Филипсы ведут свой род от некоего Филиппа, мелкого торговца, который в середине XVIII столетия обосновался в голландском городке Фенендал. Его сын Вениамин вошел в отцовское торговое дело и в качестве агента объезжал торговцев табаком и текстилем в других городах. В 1794 году в небольшом городишке Залтбоммеле у него родился сын Лион, к которому со временем перешло торговое дело отца.

Детство и юность Лион Филипс провел в Залтбоммеле и в 1820 году женился на дочери мелкого торговца из города Неймегена, для того времени образованной Софии Пресбург. У них было двенадцать детей, среди которых сын Фредерик, развивший в дальнейшем бурную деятельность не только в Залтбоммеле, но и в ряде других городов Нидерландов.

Трудно себе представить, до какой степени большая часть Голландии в середине XIX столетия была бедной, отсталой и глухой. Не поддающаяся описанию нищета

господствовала даже в таких городах на западе страны, как Роттердам, Гаага и Амстердам, которые жили за счет эксплуатации колоний и торгового мореходства. Зато в этих городах небольшая верхушка патрициев и регентов, располагавших опытом в области финансов и международной торговли, была несказанно богата.

В глубине же страны, в мелких городишках, вроде Неймегена и Залтбоммела, во времена Лиона и Фредерика Филипсов существовали еще поистине патриархальные условия жизни. Кругозор и поле деятельности провинциального купечества были крайне ограничены, и торговые дела совмещались с примитивной переработкой местного сырья и производством предметов домашнего обихода. В этой среде Филипсы в Залтбоммеле очень рано выделились своей энергией и предприимчивостью.

Фредерик Филипс владел банковской конторой и двумя предприятиями: по обработке табачного листа и по обработке кофе. Как только в Залтбоммеле предпринималось что-то новое, Фредерик, как одна из главных фигур в городе, принимал в нем участие. Так он приобрел меняльную контору и, купив у английских концессионеров местный газовый завод, удачно развил городское газовое хозяйство. И вот «отцы» Роттердама приглашают его участвовать в комиссии по модернизации газовой промышленности. В качестве члена комиссии Фредерик Филипс посетил Лондон. Эту поездку он с успехом использовал для изучения энергетического хозяйства английской столицы и завязывания частных деловых связей.

У Фредерика была большая семья, из которой для нас наиболее интересны его старший сын Херард, видный экспериментатор и изобретатель в области физики и электротехники, и младший сын Антон, тот самый, который в дальнейшем будет считаться основателем электротехнической империи Филипсов.

Еще в средней школе Херард полюбил электротехнику, но в Высшей технической школе в Делфте он поступил на механический факультет. Правда, с большим интересом он продолжал изучать все, что относилось к электричеству, и особенно к первой лампе накаливания, созданной Лодыгиным А. Н. в октябре 1872 года. Лодыгин постепенно совершенствовал лампу — сначала он

стал выкачивать воздух из колбы, а в 1875 году его сотрудник Дидрихсон добился значительного увеличения срока службы лампы путем замены ретортного угля прокаливаемыми стерженьками.

Один из офицеров русского флота, по-видимому не лишенный коммерческой жилки, захватил несколько таких ламп с собой, когда поехал в командировку в Америку. Там он продемонстрировал образцы Эдисону, который пришел от них в восторг, сразу же оценив огромное значение изобретения Лодыгина. Эдисон внес некоторые конструктивные изменения в лампу и запатентовал их в 1879 году. В заявке на патент в России Эдисон как человек порядочный указал, что претендует лишь на «совершенствование в проведении электрического света», не отрицая, что сама по себе лампа накаливания была изобретена Лодыгиным. Лодыгин же, не получив в России никакой поддержки и находясь в очень тяжелом материальном положении, вынужден был эмигрировать ради совершенствования своего изобретения. Сначала он работал во Франции, потом переехал в Америку. Там он создал лампу с вольфрамовой нитью, которая с большим успехом демонстрировалась на Парижской международной выставке.

В 1881 году немецкий предприниматель и инженер Сименс построил экспериментальный завод для производства электроламп, а промышленник Вальтер Ратенау приобрел патент Эдисона и в 1883 году основал «Немецкое Эдисоновское общество по применению электричества». Вскоре это общество объединилось с фирмой «Сименс» и с 1887 года стало называться АЭГ («Всеобщая электрическая компания»). К тому времени заводы по производству ламп существовали уже в Италии, Австрии и Венгрии.

В Голландии крупным специалистом по электрическому освещению считался Херард Филипс. Поэтому не удивительно, что ему было поручено общее руководство и надзор за работами по проведению электроосвещения на одном из новых океанских пароходов, строившихся для Голландии в городе Глазго. В Англии Херард Филипс познакомился с коллегами, которые помогли ему устроиться в лабораторию знаменитого физика Томсона (бу-

дущего лорда Кельвина) для продолжения своей учебы. В Лондоне на конкурсе, темой которого было «Электрическое освещение, передача энергии на расстояние и электрический телеграф», Херард получает первую премию. Эта победа принесла ему известность среди специалистов не только в Голландии, но и в других странах.

Несколько лет он представлял в Лондоне интересы немецких электротехнических заводов, а в 1889 году возвратился в Амстердам в качестве уполномоченного агента АЭГ. Служебная карьера, однако, не удовлетворяла его. Мысли Херарда были заняты различными изобретениями. Результаты экспериментов вселили в него уверенность, что можно создать лампы намного лучше и дешевле тех, которые изготовлялись в Англии и Германии. Он порвал отношения с АЭГ и в 1890 году добился в своей лаборатории столь положительных результатов, что решил открыть собственный завод с помощью отцовского капитала. Так возникла фирма «Филипс и компания» с капиталом в 75 000 гульденов.

В решении старого Фредерика поддержать план сына явно сказался провинциализм тогдашних Филипсов — ни он, ни Херард не думали о яростной международной конкуренции, уже свирепствовавшей в электротехнической промышленности. Херард строил все свои расчеты в надежде выпускать 500 ламп в день, получая за них по 1,5 гульдена за штуку.

Впоследствии Антон Филипс рассказывал об этом: «В мае 1891 года фирма «Филипс и компания», участниками которой были мой отец и мой брат, приступила к созданию завода электрических ламп накаливания. Первый год ушел на оборудование помещения и эксперименты, так что лишь в 1892 году можно было начинать производство. Пришлось пережить все детские болезни. Были приглашены немецкий мастер, знакомый с данным производством, и коммивояжер для обеспечения сбыта». Но в 1893 году убытки стали до того внушительными, что старый Филипс решил прекратить эту затею и продать завод.

«Долго не удавалось найти серьезного покупателя,— продолжает Антон.— Между тем в 1894 году положение стало столь критическим, что отец был согласен на про-

дажу предприятия даже за 25 000 гульденов. Но единственный покупатель не хотел давать больше 24 000, и поэтому сделка так и не состоялась».

Решили реорганизовать производство. Немецкий мастер и бездельник коммивояжер были уволены, и Фредерик вызвал своего младшего двадцатилетнего сына Антона из Лондона, где тот работал практикантом в конторе биржевых маклеров.

Что же собой представлял Антон Филипс, которого в Голландии считают ныне основателем концерна?

В отличие от старшего брата Антон терпеть не мог учение и в детские и юношеские годы был очень взбалмошным. Родители не знали, что с ним делать, и, как это было принято в таких случаях, определяли его в пансион то к одному, то к другому учителю.

В семнадцать лет Антон жил в Амстердаме и посещал торговое училище. При этом он предпочитал практиковаться в торговых науках не на школьной скамье, а на базаре и в порту. Его биограф профессор Бауман с умилением рассказывает, как молодой Антон покупал у моряков, прибывших из колониальных стран, всякие экзотические сувениры, чтобы, «конечно, не без прибыли», перепродавать их своим родственникам и знакомым в Залтбоммеле, для которых такие вещи были в диковинку.

Эту тягу к наживе Антон сохранил на всю жизнь. Где бы он ни бывал во время своих многочисленных путешествий, везде он рыскал по антикварным лавкам и барахолкам в поисках «выгодной покупки». Даже когда Антон стал богат, он, как маньяк, продолжал такие поиски, до остервенения торгуясь с продавцами.

В 1893 году Антон совсем забросил учебу и поступил практикантом к амстердамскому маклеру. Уже тогда его поведение вызывало неудовольствие у солидных амстердамских биржевиков, которые в те времена, как, впрочем, и теперь, были очень чопорными. Поэтому он там долго не удержался. С помощью друзей отца Антон продолжил свое знакомство с практической финансовой деятельностью в лондонском Сити, откуда вскоре ему пришлось вернуться в Голландию.

Антон появился в Эйндховене в первые дни 1895 года. Ему сразу понравился завод, где рабочие семьями труди-

лись за нищенскую плату. Профессор Бауман хвалит Филипсов за удачный выбор района для размещения предприятия: «В этом районе всегда хватало рабочих рук. Многосемейное население состояло почти сплошь из католиков (т. е. находилось в полном подчинении у священников.— М. Б.), было очень бедно, преданно, трудолюбиво и, хотя состояло из крестьян, всегда было готово работать на заводе. Труд ценился здесь исключительно дешево, и это являлось большим преимуществом для такой новой отрасли промышленности, как очень трудоемкое производство электрических ламп».

Херарду не удавалось производить столько продукции, сколько он намечал первоначально. В 1892 году завод выпустил 11 000 ламп, в 1893 году — 45 000 и лишь в 1895 году производство достигло предусмотренного уровня — 500 ламп в день. В том году предприятие впервые обещало прибыль.

Это, несомненно, было техническим успехом. Но в отношении сбыта трудности оказались еще большими, чем с производством ламп. В Голландии тогда было очень мало электростанций. В Амстердаме, например, имелось всего 7500 осветительных точек. На большее не хватало электроэнергии. В Роттердаме была станция, питавшая всего 3000 лампочек, а в других городах вообще не было электричества. Правда, некоторые предприятия имели свои собственные установки, как, например, фабрика стеариновых свечей в Хауде, несколько пивоваренных заводов и водочный завод в Делфте. Электрическое освещение имелось и на некоторых океанских пароходах.

Всего этого было, однако, мало и не могло обеспечить сбыт продукции даже одного лампового завода. Поэтому Антон с самого начала стал искать покупателей за границей: в Брюсселе, Париже, Англии. Но самым перспективным рынком сбыта оказался запад Германии, где усиленно электрифицировались быстро развивающиеся промышленные предприятия.

Неделями Антон пропадал в Рурской области, объезжая промышленные центры, отыскивая возможности сбыта и завязывая выгодные знакомства с покупателями. Очень скоро он установил, что германские электроламповые заводы сбывали свою продукцию непосредственно

другим предприятиям, вызывая недовольство электромонтеров. Антон ловко использовал это обстоятельство и начал поставлять лампы самим монтерам, предоставляя им часто даже кредит. Таким образом, монтеры стали его агентами. Благодаря им «Филипс» проникал повсюду и сделался опасным конкурентом для АЭГ и других немецких электротехнических фирм.

Первая прибыль в 1895 году достигла 15 000 гульденов и была использована для усовершенствования оборудования. Благодаря этому продукция завода возросла со 109 000 ламп в 1895 году до 280 000 — в 1896 году. Возникло своеобразное соревнование между двумя не очень-то дружившими братьями — Антон старался продавать больше, чем завод мог произвести, а Херард делал все возможное, чтобы объем продукции превысил имеющиеся заказы. В результате за первые восемь лет (1892—1899 годы) производство электроламп увеличилось с 11 000 до 1 800 000, а выработка в расчете на одного рабочего повысилась почти в 20 раз.

Отношения с рабочими Филипсы вначале строили еще на патриархальных устоях. Так, держа их на нищенской зарплате, старый Фредерик Филипс в 90-х годах регулярно угощал рабочих завода вишнями или пряниками, в зависимости от сезона. Но от этого им жилось не легче.

Вот как в официальном отчете Торговой палаты в Эйндохене за 1891 год характеризовалось положение рабочих: «В интересах экспортных возможностей зарплата на местных фабриках сохраняется на таком низком уровне, что даже рабочие семьи, состоящие главным образом из взрослых, часто зарабатывают недостаточно на жизнь, так что приходится выдавать им пособия наравне с нищими. По этой причине пауперизм так обострился, что на помощь бедным вместо 290 гульденов в 1889 году теперь приходится расходовать 2300 гульденов, не считая возросших расходов благотворительных обществ и церкви».

В начале XX века «Филипс», продолжая платить крайне низкую зарплату, начал строить для своих рабочих современные поселки с магазинами, спортплощадками, школами, поликлиниками и детскими учреждениями, привязывая их таким образом бытовыми услугами. Всту-

пать в профсоюз не разрешалось, но на заводах были созданы «профцентры» под руководством дирекции, которые якобы «объективно» рассматривали все жалобы. А жаловаться было на что: высокие штрафы за малейшее опоздание или курение на территории завода, непомерно продолжительные рабочие недели, изнуряющий детский труд (еще в 20-х годах 50% рабочей силы составляли девушки от 14 до 18 лет).

Далеко не прогрессивная католическая газета «Истина и право» писала: «Очень низкая зарплата, долгий рабочий день и ко всему еще обязательное приобретение продуктов в лавках «Филипса»... В результате всего этого — нищета, долговая кабала, женский и детский труд, плохое питание и скверные жилищные условия, высокая детская смертность...»

Сколько бы апологеты Филипсов ни говорили о «техническом гении» Херарда или о «финансовом гении» Антона, единственная область, в которой Филипсы действительно отличились, убедительно охарактеризована в приведенной цитате — это безжалостная эксплуатация чужого труда, освоенная Филипсами поистине «гениально»!

Между тем экспорт в Германию все увеличивался. Но Антон Филипс продолжал поиски новых рынков сбыта. Особенно интересовала его Россия. Можно было предположить, что от свечи и лучины там перейдут непосредственно к электричеству, минуя фазу газового освещения, которая на Западе длилась более полувека. Россия! Страна сказочная и таинственная!

...Антон едет в Россию. В августе 1898 года он прибыл в Петербург. Всю свою жизнь он любил вспоминать об этой своей первой, но далеко не последней поездке в Россию. Для начала он заключил сделки на несколько сот тысяч ламп. Директор Петербургской электростанции познакомил его и с императорским «завхозом», или гофмаршалом, как его тогда называли. Тот заказал Антону 50 000 лампочек для царского дворца. Хозяин пока еще жалкого заводчика, где трудились в основном полуголодные девушки в возрасте от 14 до 18 лет, внезапно стал поставщиком двора его величества Николая II. Очень чувствительный к внешним эффектам, Антон об этих

50 000 «царских ламп» специально телеграфировал Херарду. Но тот, решив, что 50 000 даже для царя многовато, ответил запросом: «50 000 или 5000?» Нет, нет, телеграф не напутал, и Антон на радостях подтвердил телеграфно на трех языках: «Фифти заузенд, фюнфциг таузенд, сенкант миль!..»

Одним словом, поездка в Россию оказалась неожиданно успешной, и в декабре того же 1898 года Антон еще раз поехал туда. В начале 1899 года он вновь появился у своих русских заказчиков, на этот раз, чтобы организовать в стране целую сеть агентов. Правда, они, хотя и отбивали покупателей у немецких конкурентов, все же, по-видимому, приносили немало пользы и кое-каким германским инстанциям. Читатель будет недалек от истины, предположив, что с помощью именно этих агентов Антон прочно вошел в доверие прусского генштаба. Вероятно, уже тогда сложились те добрые отношения Филипсов с германской разведкой, о которых речь будет впереди.

Это, однако, не мешало Филипсу разглагольствовать в Петербурге о «продолжении» замечательной традиции Петра Великого, укрепившего деловые контакты между Голландией и Россией, а дома, в Голландии, острить, что его миссия состояла в «освещении темной забитой страны».

В начале 1901 года Антон снова поехал в Россию, на этот раз вместе с женой. Семейная поездка немало укрепила его деловые связи с русскими дельцами. И в последующие годы Филипс регулярно бывал в России, иногда даже дважды в год. К этому его вынуждал экономический кризис и связанное с ним прекращение сбыта в Германии. Сам Филипс, любивший вспоминать старые времена, рассказывал, выступая в 1928 году:

«Часто приходится перестраиваться на ходу, когда в той или другой стране наступает кризис перепроизводства. Хорошо помню тяжелый промышленный кризис 1900 года в Германии, где мы тогда много продавали. Когда сбыт там внезапно прекратился, наши склады угрожающе быстро заполнились готовой продукцией. Надо было от нее отделаться, хотя бы даже по убыточной цене, и именно в таких странах, как Франция, где мы из-за вы-

соких пошлин обычно не продавали. В то же самое время мы стали «открывать» Испанию и Италию, где нам удалось создать хороший рынок сбыта.

Когда кризис в Германии прошел и немецкий рынок вновь стал способен принимать наш товар, мы, конечно, были тут как тут, не отказываясь, однако, и от вновь приобретенных рынков».

Вся эта бурная деятельность Филипсов не на шутку стала беспокоить немецких конкурентов. В 1901 году АЭГ перешел в наступление, продав большую партию ламп ниже себестоимости. Для Филипсов это послужило сигналом к бою. В Эйндховене заготовили несколько сотен тысяч ламп для продажи по демпинговым ценам в Германии в случае, если АЭГ не пойдет на попятный.

При этом открыто говорилось о необходимости создания международного картеля для установления согласованных цен. Во время переговоров в Берлине промышленник Ратенау якобы пригрозил Филипсу: «Стоит мне лишь нажать кнопку, и цена на лампы упадет до 20 пфеннигов за штуку». На что последовал ответ: «Нажимайте, сколько вам будет угодно: в наши договоры с заказчиками включен пункт, согласно которому мы обязуемся поставлять лампы на полпфеннига дешевле ваших».

«Филипс» мог позволить себе такую роскошь, так как себестоимость его лампы была действительно ниже, чем у АЭГ,— зарплата рабочим в Эйндховене была нищенской, а экспериментальная работа в лабораториях почти ничего не стоила, поскольку Херард делал все сам.

И все же немцы никак не могли решиться на объединение с Филипсами. Последние в конце концов форсировали согласие конкурентов на создание картеля, выпустив на берлинский рынок большую партию ламп по 17 пфеннигов за штуку, т. е. по цене более низкой, чем себестоимость в АЭГ. Переговоры сразу же продвинулись вперед, и весной 1903 года АЭГ, «Филипс» и «Сименс» пришли к соглашению. Вскоре к этому европейскому картелю присоединились 13 других фирм. Лишь французские предприниматели отказывались пока от участия в нем.

В сентябре 1903 года в Берлине была основана Объединенная контора сбыта электроламп. Для каждого участника была установлена определенная квота (процент

от общей продажи), в том числе для «Филипса» — 10,5%. Участники картеля обязывались поставлять конторе лампы по цене 23 пфеннига за штуку. Прибыль, получаемая конторой от перепродажи, делилась между всеми по сложной системе.

Во главе конторы сбыта был поставлен Антон Филипс. Без особой охоты он переехал жить в Берлин. Но вскоре оказалось, что игра стоила свеч — все самые выгодные заказы директор конторы А. Филипс передавал директору заводов в Эйндховене А. Филипсу... Таким образом, он захватил заказ и на производство ламп в 220 вольт. Это напряжение тогда еще почти нигде не использовалось, но Херард понял, что за ним будущее. Когда же действительно позже оно стало быстро распространяться, «Филипс» оказался единственной фирмой, технически подготовленной к выполнению крупных заказов на лампы такого напряжения.

Между тем не бездействовала и техническая мысль. В 1905 году «Сименс» начал изготавливать лампы с нитью из тантала. Производились опыты и с другими металлами. Херард Филипс много экспериментировал и был неплохо информирован о том, что делалось в американских лабораториях «Дженерал электрик». Американцы обменивались патентами с «Сименсом». Интерес крупных участников картеля к лампам с металлической нитью был исключительно велик, потому что этими лампами можно было торговать свободно, помимо картельных условий, относившихся исключительно к лампам с угольной нитью.

Компания «Филипс» вскоре также наладила производство ламп со спрессованной вольфрамовой нитью, хотя это требовало полного переоборудования предприятий. Новый технологический процесс был намного более трудоемким, чем старый, но зато лампы, при одинаковом потреблении энергии, давали в 3 раза больше света.

Из года в год Филипсы расширяли производство. Строительство новых заводских и административных зданий шло непрерывно. Если в 1903 году общая площадь помещений составляла 6000 кв. м, то в 1910 году она превысила 25 000 кв. м.

В соответствии с этим возрастал и выпуск ламп — от 2,6 миллиона в 1901 году до 4 с лишним миллионов в

1911 году. Но значительная часть этой продукции вскоре возвращалась потребителями. Многие лампы «чернели», становились негодными из-за черного налета на внутренней поверхности колб. Лишь постепенно удалось избавиться от этого брака путем улучшения качества вольфрамовой кислоты.

В 1909 году в Америке изобрели новую технологию изготовления нити — путем вытягивания вместо прессования, а в 1911 году начали заполнять колбы газом — сначала азотом, а впоследствии аргоном. Чтобы не отстать от конкурентов, Антон Филипс немедленно отправился в Америку, где ему при помощи интрижки с женой фабриканта удалось перехватить несколько станков для производства тянутой вольфрамовой нити, заказанных компанией «Дженерал электрик». Хозяин машиностроительного завода долго сопротивлялся передаче станков Филипсу. Он не без основания боялся репрессий со стороны мощной американской компании. Но Антон внушил его жене, француженке, что станки через «Дженерал электрик» попадут в руки ненавистных ей немцев, и та стала на его сторону. В конце концов фабрикант сдался, и станки перешли в собственность Филипса. При этом фабрикант не преминул сказать: «Жена без конца пристает ко мне из-за этих станков, лишь поэтому я уступаю их вам». Но надо было еще преодолеть таможенные барьеры, всегда действующие в интересах отечественной промышленности. Антон не растерялся и тут, чуть ли не контрабандой провезя станки в Эйндховен.

В 1912 году повсеместно прекратилось производство ламп с угольной и прессованной нитью. Тем самым существование картеля утратило свой смысл. Теперь началась борьба за удешевление производства и улучшение качества ламп с тянутой металлической нитью. В этой борьбе главными противниками «Филипса» опять-таки были тесно связанные между собой патентными соглашениями немецкие и американские предприниматели. Эти крупнейшие электротехнические компании всячески стремились отделаться от такого беспокойного и опасного конкурента-аутсайдера, как «Филипс»...

В том же году фирма «Филипс и К^о» стала акционерным обществом. С акционерным капиталом в 6 000 000

гульденов легче было воевать на международном рынке, чем с ограниченными средствами самих Филипсов. Кроме того, теперь можно было заинтересовать «нужных людей» в делах фирмы. Отметим, что половина акций осталась в руках семьи Филипсов. Следовательно, им же принадлежала и сама фирма.

На дрожжах военной экономики

Во время первой мировой войны нейтральная Голландия находилась в исключительно благоприятных условиях для экономического развития. Воюющие стороны, и особенно Германия, нуждались во все большем количестве сельскохозяйственных и промышленных товаров, а также во всякого рода сырье.

Акционерное общество «Филипс» поднималось на дрожжах военных заказов не менее интенсивно, чем остальные голландские компании. Большую выгоду им принесли всеобщее повышение цен, отказ от всяких стесняющих международных обязательств, отсутствие конкуренции на внутреннем рынке и большой спрос на электрические лампы из-за нехватки газа для освещения. Правда, возникли серьезные затруднения с доставкой сырья и полуфабрикатов, но эти трудности лишь стимулировали создание собственной промышленной базы.

В 1915 году «Филипс» выпустил маленькую очень экономичную газонаполненную лампу на базе аргона, спрос на которую быстро возрастал. Но германское правительство запретило экспорт аргона, в связи с чем в Эйндховене в срочном порядке наладили собственное производство этого газа.

Примерно то же самое случилось и со стеклянными колбами. До войны Филипсы получали эти колбы из Оберлаузица (Германия) и из Вены. В первые же дни войны представителю компании удалось закупить большую партию их в Австрии. Но на голландской границе немцы задержали транзитный состав с колбами, так как

у них самих это был дефицитный товар. «Филипсу» пришлось обратиться за помощью к голландским властям. И лишь когда премьер-министр пригрозил германскому правительству, что наложит запрет на экспорт картофеля в Германию, состав с колбами был пропущен.

После этого инцидента «Филипс» начал срочно строить собственный стеклозавод, поскольку существовавшие в Голландии промышленные предприятия не были заинтересованы в изготовлении колб за мизерные цены, предложенные фирмой.

В начале 1916 года новый стеклозавод в пригороде Эйндохена официально вступил в строй и летом того же года стал выпускать по 80 000 колб в день.

Экспортную деятельность «Филипса» серьезно ограничивали трудности в области транспорта, особенно после того, как немцы перешли к «неограниченной подводной войне». Помехой являлись также баснословно высокие транспортные тарифы.

«Филипс» и здесь взял инициативу в свои руки, покупая небольшие рыбацьи суденышки и переоборудуя их для перевозки электроламп и других товаров. В 1917 году три перестроенных таким образом траулера бороздили моря, вывозя продукцию «Филипса». В обратный путь они загружались итальянскими шляпами Борсалино, французскими овощами, духами, шампанским и многими другими товарами.

После войны «Филипс» построил собственный завод упаковочных материалов, а в 1920 году — завод для производства водорода. Кроме того, были приобретены контрольные пакеты акций «Испанского общества электрических ламп» в Барселоне и «Акционерного общества ламповых заводов» в Арау (Швейцария).

Благодаря высокой прибыльности всех этих предприятий владение акциями «Филипса» стало очень выгодным делом. Многие иностранные да и отечественные капиталисты были не прочь приобрести контрольный пакет этих акций. Такая тенденция представляла определенную опасность для самих Филипсов, угрожая им утратой фактической власти в руководстве концерном.

Между тем конкуренты образовали картели «ЭЛМА» в Англии и «Осрам» в Берлине, оба связанные с произ-

водством электrolамп. Чтобы обезопасить себя, «Филипс» был вынужден пойти на деловое сближение с двумя крупнейшими американскими компаниями — «Интернэшнл электрик» и «Дженерал электрик» (1919 год), которые были в десятки раз мощнее голландской фирмы. Конкурентная борьба с европейскими концернами еще более обострилась.

В этой обстановке Антон Филипс вновь обратил свои взоры к России. Там теперь у власти были большевики во главе с Лениным. Антон понимал, что Советская страна нуждается в электрических лампах еще больше, чем старая Россия. Пусть западная пресса издевается над планом электрификации страны, но если большевикам потребуются электрооборудование и лампы, то «Филипс» не даст конкурентам снять сливки... Главным своим соперником в этом деле он считал Вальтера Ратенау, старого знакомого, не раз бывавшего в его доме в Эйндховене. Действительно, в это время Ратенау также размышлял о том, что надо бы послать кого-нибудь в Россию. Он также считал, что нэп обещает новые возможности для иностранного капитала.

8 октября 1922 года Антон Филипс прибыл в Москву. Какое же впечатление вынес от знакомства с новой Россией этот черствый, деловой человек, который довольно хорошо изучил царскую Россию? Вот что, например, писал он жене в своих письмах из Москвы:

«В рабочих массах господствует чувство самоуверенности, сознания своей полноценности, выражающееся самым различным образом... Музеи битком набиты рабочими и их женами, слушающими объяснения гидов с явным интересом. Плата за вход минимальная. Когда один из моих сопровождающих предложил проводнику вагона сигарету, тот сейчас же вытащил пачку папирос и в свою очередь предложил закурить... Вообще народ хорошо выглядит, и люди одеты совсем неплохо. Торговля находится в руках государственных трестов, которые, однако, не располагают достаточными запасами, чтобы создать эффективное распределение...

В кабаре, которое я посетил и где публика была вполне «приличная», входную плату в три миллиона рублей собирала барышня, поясняя, что деньги пойдут на

помощь голодающим. Все учатся грамоте. На вокзалах дети выпрашивают у старших... бумагу и карандаши. На заводах рабочие не так уж плохо обеспечены. Вообще страна кажется намного чище, чем до войны, люди стараются соблюдать порядок — плевать и сорить не разрешается, штраф взимается тут же наличными. Правда, производительность труда на заводах намного ниже, чем у нас в Эйндховене, но это следует отнести скорее за счет устаревшего оборудования, а отнюдь не за счет недостатка старательности. Россия воскресает, существует порядок, люди хотят работать».

Вместе с представителем АЭГ А. Филипс предложил Советскому правительству создать в России электроламповый завод на правах концессии. При этом, однако, поставил совершенно неприемлемые условия. В результате он и его немецкий компаньон вернулись в Берлин не солоно хлебавши. На этот раз оказалось, что Россия вполне может обойтись без капиталистов, претендующих на «распространение света в темной стране».

Правда, эта поездка все же оказалась не совсем безрезультатной. Антон встретился с некоторыми из своих прежних агентов в России и кое-кому из них стал даже выплачивать «пенсию». Так сообщает его биограф. Мы же склонны думать, что «пенсии» выплачивались не из филантропических соображений, а по инициативе германской разведки, для которой сохранение этих агентов представляло большой интерес.

Еще в 1920 году «Филипс» создал акционерное общество во Франции и в 1922 году начал переговоры с буржуазной Польшей, где купил небольшой ламповый завод лишь для того, чтобы вести переговоры не с позиций иностранного капиталиста, а как «свой», варшавский промышленник. Это ему вполне удалось, и на месте старого заводика в 1923 году вступило в строй крупное современное для того времени предприятие.

В последующие годы «Филипс» уже считался сильнейшим конкурентом в мировой электротехнической промышленности. «Он, и только он, представляет настоящую опасность для наших американских прибылей. Если мы не сумеем защитить наши патенты, он станет главной угрозой, самым недостижимым и изворотливым из наших

конкурентов», — писал своим шефам в 1924 году представитель треста «Интернэшнл электрик» Д. У. Вудворз. Не надо, однако, упускать из виду, что обороты «Филипса» тогда еще были в 10—20 раз меньше, чем обороты АЭГ или «Дженерал электрик».

В 1924 году был создан новый картель электротехнической промышленности, регулирующий качество, цены, квоты продукции и стимулирующий развитие электрификации во всем капиталистическом мире. Впоследствии на базе этого картеля было создано общество «Фебус», которое действовало вплоть до 1939 года. Создание картеля не означало, конечно, исчезновения конкурентной борьбы. Так, например, «Филипс» продолжал бороться с АЭГ и «Сименсом», для чего заключил в 1925 году союз с немецкой компанией «Юлиус Пинг» в Фюрстенвальде и с гамбургской фирмой «Радиореренфабрик». Обе эти фирмы также притеснялись концернами АЭГ и «Сименс», которые теперь были объединены по линии производства радио- и телефонной аппаратуры в акционерное общество «Телефункен».

В 1923 году «Филипс» стал собственником электролампового завода в Альпиньяно, близ Милана. Стоит рассказать, как это удалось ему сделать вопреки интересам крупнейшего итальянского концерна «Мартинелли», который всячески противодействовал внедрению голландского капитала в Италии. Представитель «Филипса» долгое время ничего не мог добиться. В конце концов Антон добрался до Муссолини с жалобой на «Мартинелли», и дуче обещал ему свое содействие. Из этого, однако, тоже ничего не получилось.

И все же ловкий голландец нашел лазейку. Купив маленький заводик около Милана, имевший разрешение на производство радиоаппаратуры, он и здесь, как в Варшаве, сделался «своим человеком». А вскоре договорился с «Мартинелли» о распределении рынка. Между тем в Испании тоже был построен новый завод, начавший производство электроламп в 1926 году.

Таким образом, в середине 20-х годов электротехнический спрут приобретает международный характер. Помимо тех приобретений за границей, о которых мы уже говорили, в 1923—1926 годах он создает дочерние компа-

нии в Новой Зеландии, Румынии, Алжире, Южной Африке, Ирландии, Индии...

Филипсы рано поняли, какие огромные перспективы открывало распространение радио и какие колоссальные прибыли можно получать от продажи радиоламп. В 1924 году Антон лично приобрел завод сигнальной аппаратуры в Хилферсюме и организовал первое радиовещание в Голландии. Популяризация радио была теперь самой лучшей рекламой для его продукции. Компания начала издавать целый ряд брошюр и журналов по этому вопросу, которые переводились на многие языки. В конце 1925 года в Голландии имелось около 24 000 радиоприемников, главным образом любительских. В начале 1927 года вступил в строй коротковолновый передатчик на 30,92 м, в котором, наряду с кристаллами, применялись водоохлаждаемые лампы. В том же 1927 году Антон организует собственное радиовещание на Индонезию (ФОХИ) из рыбацкого поселка Хайзен близ Амстердама. Таким образом, и в этой голландской колонии создавалась потребность в большом количестве радиоприемников.

В то время «Филипс» построил в Эйндховене новый завод филита (искусственной смолы) и бумажную фабрику. В 1927 году он располагал уже смежными заводами по производству стекла, кристаллов, бумаги, упаковочных материалов, искусственных смол, а также типографией, машиностроительными и металлообрабатывающими предприятиями и строительной организацией с собственным заводом стройматериалов.

Вместе с ростом производства колоссальными темпами увеличивалось и число занятых на предприятиях концерна. 31 октября 1927 года «Филипс» торжественно отметил поступление на работу десятитысячного работника, а в 1929 году число работников достигло уже 20 000. Удвоению рабочей силы за два года способствовало начавшееся массовое производство радиоприемников.

В результате невиданной потогонной системы резко растет и производительность труда. Известный голландский экономист Ф. Барух приводит ряд цифр, иллюстрирующих усиленную интенсификацию производства. Работница завода радиоаппаратуры на одном и том же

станке изготовляла за один час в 1925 году — 250—300, в 1928 году — 700—800, а в 1931 году — уже 1100 деталей. Вот кто созидал богатство концерна и его властелинов!

Секреты экономической кухни монополии

Когда в 1912 году фирма «Филипс и К^о» была преобразована в акционерное общество «Электроламповые заводы Филипса», владельцы внесли как свою долю в новую компанию все имущество фирмы, оценив его в 3 миллиона гульденов, хотя тогда вряд ли нашелся бы покупатель даже за 1 миллион. Сумма в 3 миллиона представляла стоимость контрольного пакета и поэтому определила и размер акционерного капитала в 6 миллионов. Филипсы стремились к максимальному привлечению капитала со стороны, при условии, однако, что контрольный пакет акций, а тем самым и руководство компанией останутся в их руках.

К тому времени акционерные общества в Голландии юридически существовали лишь несколько десятилетий и были новым шагом на пути концентрации капитала.

Раньше купцы и предприниматели, объединявшиеся в товарищества для совместной деятельности, несли по закону каждый в отдельности материальную ответственность за всю сумму совместных долгов. Если с двумя участниками что-либо случалось, третий должен был возместить все убытки. В таких условиях мало кто соглашался вступать в «товарищество», и каждый предпочитал действовать в одиночку, на свой страх и риск. После отмены «запрета коалиций» (1872 год) стали возможны «товарищества с ограниченной ответственностью», а потом уже и акционерные общества, участники которых в худшем случае лишь теряли вложенные ими деньги, но не отвечали за долги и убытки фирмы.

Акционерное общество является типичным выражением буржуазного демократизма, при котором право голоса имеет не человек, а ценная бумага, т. е. акция. Выс-

шим органом формально считается общее собрание акционеров. Поэтому так важно было для Филипсов сохранить в своих руках контрольный пакет акций, в данном случае около половины их. Остальная половина могла принадлежать хоть тысяче частных лиц — все равно Филипсы решали все самолично. Чем больше насчитывалось акционеров и чем больше они были разобщены, тем меньше мог быть контрольный пакет акций.

В те «добрые старые времена» годовые отчеты дирекции еще по-деловому обсуждались и утверждались акционерами на общем собрании, где устанавливался и размер дивиденда, т. е. выплачиваемой по акциям прибыли. Если средняя рента, выплачиваемая в стране, составляла, например, 5%, а «Филипс» платил 10% дивиденда, то акцию номинальной стоимостью в 1000 гульденов можно было продать за 2000. Если «Филипс» платил дивиденд 20%, его акции поднимались до 4000 гульденов, т. е. курс их составлял 400%. Эта особенность акционерного капитала и является основой механизма баснословного обогащения хозяев монополий путем эмиссии (выпуска) акций.

Если дирекция «Филипса» предлагает кому-то приобрести столько-то акций новой эмиссии по номиналу, т. е. по 1000 гульденов, то счастливец, конечно, не отказывается. Ведь сегодня, например, он сразу же сможет перепродать их по 12 000 гульденов (акции «Филипса» котируются в 1200%). Блестящая возможность воротил финансового капитала пополнять свой банковский счет или одаривать нужных людей, друзей и любовниц, не раскошеляваясь ни на цент!

Наряду с конкурентной борьбой между фирмами обычно существуют поистине «трогательные» дружеские отношения между директорами этих фирм. Злейший конкурент «Филипса», немец Вальтер Ратенау, бывавший частым гостем в Эйндховене, никогда не отказывался от предлагаемых Антоном акций, а тот в свою очередь немало наживался на эмиссиях АЭГ и других конкурентов. Таким путем они подбрасывали друг другу миллионы, не теряя и гроша из собственного кармана. После смерти Ратенау Филипс сблизился с другим деятелем германского империализма, директором АЭГ Оттенем. Отноше-

ния между ними стали такими тесными, что вскоре Оттен послал своего сына Франца в качестве практиканта в Эйндховен. В дальнейшем мы увидим, какие трагические последствия имело появление этого «практиканта» в Голландии.

«Филипсу» требовался капитал и еще раз капитал для развития производства. В 1920 году было решено увеличить акционерный капитал до 20 миллионов гульденов — огромная для того времени сумма! Было бы скучно знакомиться со всеми ухищрениями Антона, направленными на сохранение своего решающего голоса в делах фирмы. Скажем лишь, что в результате его махинаций, которые, кстати сказать, вполне укладывались в рамки существовавшего законодательства, рядовые акционеры утратили всякую возможность воздействовать на руководство концерна. Власть практически полностью осталась в руках главного директора — Антона Филипса и некоторых его приближенных. Они создали все условия, позволяющие увеличивать акционерный капитал без опасения, что хозяева «Филипса» утратят бразды правления и связанные с этим сверхприбыли.

В 1929 году акционерный капитал концерна достиг приблизительно 87 миллионов гульденов. Между тем грянул экономический кризис перепроизводства, который охватил весь капиталистический мир.

На первый взгляд может показаться, что экономический кризис — катастрофа, от которой страдают все. Но это не совсем так. Конечно, кризис является бичом для трудового народа. Конечно, во время кризиса уничтожаются огромные материальные ценности. Но в то же время «кризисы... в громадных размерах,— говорил В. И. Ленин,— усиливают тенденцию к концентрации и к монополии».

Безработица и голод, свирепствующие в результате кризиса, с одной стороны, укрепление позиций монополистического капитала, с другой — вот последствия кризиса перепроизводства. Ярким примером этому служит концерн «Филипс» в начале 30-х годов. Конечно, рабочие остались без хлеба, рядовые акционеры — без прибыли, многие самостоятельные предприниматели обанкротились, но империя «Филипса» (как, впрочем, и другие

крупные монополии) вышла из кризиса помолодевшей, окрепшей и более сильной, чем когда бы то ни было. Во время кризиса, таким образом, особенно ярко выявился хищнический характер этой (как и других) монополии. Даже голландский профессор Бауман вынужден признать в своей книге «Антон Филипс, человек и предприниматель», что «период кризиса содействовал повышению эффективности предприятия как в экономическом, так и в техническом отношении».

Все это, конечно, за счет трудящихся.

Особенно зловещую роль в проведении концерном антирабочих мероприятий сыграл ставленник германского империализма Франц Оттен. Именно по его инициативе якобы для предотвращения грозящей безработицы было осуществлено сокращение рабочей недели вначале до 42, а затем до 40 часов, конечно, без сохранения заработной платы. Фактически же такая «борьба с безработицей» не помешала «Филипсу» уволить более половины рабочих. Работавших в Эйндховене переводили на какой-нибудь периферийный завод, а затем уже увольняли, так что это происходило незаметно для коллектива основного предприятия.

Рабочим, уроженцам других районов, потерявшим место в Эйндховене, выдавался бесплатный билет на проезд к месту жительства. Таким образом отделялись от них без лишнего шума.

Кроме того, проводились такие крупные «рационализаторские» мероприятия, как снижение заработной платы на 10—40%. Все это, конечно, в интересах «дела», т. е. концерна.

Якобы в интересах «дела» Филипсы грабили также и рядовых акционеров. Так, они списали 25% акционерного капитала, т. е. произвольно снизили номинальную стоимость одной акции (в 1000 гульденов) на 250 гульденов. Эти 250 гульденов были возвращены держателям акций наличными. Но фактическая цена одной акции в 1000 гульденов составляла тогда 4000 гульденов. На каждой акции рядовой держатель, таким образом, терял 750 гульденов. Крупные же держатели, такие, как сам Филипс, которых кризис не вынуждал продавать акции, по сути, ничего не теряли, ибо несколько лет спустя номинальная стоимость акции в 1000 гульденов была вос-

становлена путем «приписки» тех же 250 гульденов плюс еще 50 гульденов «компенсации за недополученную прибыль».

Махинации? Нет, что вы! Все по закону капиталистических джунглей: «богатые богатеют, бедные беднеют».

Бывший практикант Франц Оттен, он же муж старшей дочери Антона Филипса, своими «антикризисными мероприятиями» завоевал себе прочное положение в руководстве концерна. Германский крупный капитал был крайне заинтересован в усилении своего влияния на такого конкурента, как «Филипс». Через Франца Оттена, в частности, он и стремился осуществить эту задачу. Причем, надо думать, Оттену немало помогли и некоторые официальные немецкие учреждения.

Необходимо было, например, отделаться от всего, что препятствовало продвижению Оттена. Оттен же был не единственным зятем Филипса. Младшая дочь Антона также была замужем. Но как-то получилось, что ее первый муж, способный инженер и администратор Кнапперт, в 1932 году погиб при загадочных обстоятельствах. Вдова вскоре опять вышла замуж. Но два года спустя не менее загадочно погиб и второй ее муж, инженер Г. Зандберг, претендовавший на руководящую роль в концерне. По-видимому, Антон Филипс догадывался, какую роль во всем этом сыграла та иностранная разведка, с которой он давно уже держал связь. Во всяком случае, профессор Бауман отмечает, что эта новая смерть произвела неожиданно большое впечатление на Антона: «Филипс слег на несколько недель, до того он был подавлен внезапной смертью зятя... никогда в жизни он так не страдал». Еще бы! Вторглись помимо его воли в его же семейные дела!

Третий муж младшей дочери, ловкий ван Римсдейк, сразу после женитьбы в 1938 г. «исчез» вместе с женой на целый год. Вероятно, лишь благодаря вмешательству Антона, а также потому, что Оттен в 1939 г. уже достиг своей цели, сменив Антона на посту главы концерна, ему удалось остаться в живых и дослужиться до поста президента концерна.

Сын Антона — Фриц сначала был директором «Филита», потом машиностроительного завода. Затем он

стал одним из директоров концерна, а с 1935 года — заместителем генерального директора. Во время войны Фриц был очень полезен немцам и после Антона, который возглавлял фирму с 1895 года по 1939 год, и Оттена (с 1939 по 1961 год) стал третьим властелином концерна.

Но вернемся к началу 30-х годов. Как только конъюнктура стала немного лучше, достигнутое за счет трудящихся значительное снижение производственных расходов и увеличение эффективности производства позволили Филипсам с успехом конкурировать с заграницей. Наряду с картельным соглашением «Фебус» (с американскими фирмами) Антон заключил теперь соглашение и с «Телефункен», которое в 1932 году было расширено. Наконец, международный картель — «Всемирная общность интересов» — предоставил «Филипсу» возможность продавать радиолампы в Германии на тех же условиях, что и «Телефункен».

Антон к тому же использовал кризисные и последующие годы, чтобы изменить структуру концерна: центр тяжести производства был перенесен на за границу. Кроме электроламп «Филипс» стал производить электрическую и электронную аппаратуру. Так, в 1934 году фирма экспортировала из Голландии электроламп на 5 миллионов, а разной аппаратуры на 45 миллионов гульденов.

В середине 30-х годов концерн занял видное место в числе крупных международных монополий-спрутов, бурное развитие которых наложило свой отпечаток на все стороны общественной жизни капиталистического мира. Но можно ли «чисто голландское» предприятие «Филипс» причислять к международным монополиям?

Государственная принадлежность акционеров мало влияет на характер монополии, поскольку все руководство ею сосредоточено в руках Филипсов. Поэтому они ничуть не были обеспокоены тем, что, например, в 1960 году 56% акционерного капитала находилось в руках иностранцев, и в частности 31% — у американцев, 9% — у французов, 9% — у швейцарцев, 5% — у англичан, 2% — у западных немцев. Напротив, Филипсы не без ехидства улыбаются, когда вспоминают, как американцы с жадностью приобретали большое количество акций по высокому курсу, с тем чтобы через несколько лет, убе-

дившись, что этот курс был искусственно завышен, вернуть их голландцам по значительно более низким ценам.

Вообще, голландские монополисты любят похвалиться, что кое в чем утирают нос американцам, например в том, что еще недавно голландские инвестиции в США на 75% превышали американские инвестиции в Голландии и что это единственная капиталистическая страна, которая могла гордиться таким превосходством. До последнего времени американские инвестиции действительно составляли здесь 1073 миллиона долларов, в то время как голландские капиталовложения в США достигли 1750 миллионов долларов, из которых немалая доля принадлежит «Филипсу». Кстати, голландские инвестиции в Западной Германии ныне также намного выше немецких в Голландии, а капиталовложения «Филипса» в Западной Германии значительно превышают инвестиции «Сименса» в Нидерландах. Из этого, конечно, не вытекает, что экономическое влияние Голландии в США и Западной Германии также превосходит влияние этих стран в маленькой Голландии.

Распределение рабочих и служащих на предприятиях «Филипса» видно из следующей таблицы (в тыс.):

Год	Голландия	Заграница	Всего
1930	27	13	40
1936	15	19,5	34,5
1939	19	26	45
1949	39,5	45,5	85
1953	44	56	100
1959	75	136	211
1969	93	246	339

В отличие от таких международных монополий в Нидерландах, как «Шелл» или «Юнилевер», которые в значительной мере действуют на территории бывших колониальных и развивающихся стран, «Филипс» эксплуатирует главным образом рабочих метрополий. Но его хозяева богатеют не только благодаря эксплуатации тру-

дящихся, непосредственно работающих на предприятиях концерна, а и путем обирания трудящихся других отраслей промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, они наживаются и за счет народов развивающихся и зависимых стран, вынуждая их к неэквивалентному обмену, т. е., попросту говоря, грабя их. Предоставляя займы, заключая кабальные договоры, подкупая ответственных чиновников, «Филипс» и другие электротехнические концерны захватывают в этих странах рынки сбыта для своей продукции. При этом между ними происходит яростная конкурентная борьба, часто ведущая к государственным переворотам, убийствам, междоусобным войнам в бывших колониях. Примером тому может служить борьба «Филипса» с американскими электротехническими компаниями за овладение рынками Латинской Америки.

В Голландии такие международные монополии, как «Филипс», «Шелл», «Юнилевер», АКЗО располагают достаточными средствами для осуществления своей экономической политики. Они не зависят от крупных банков, контролирующих практически всю остальную экономическую жизнь страны. Вследствие этого взаимоотношения крупных промышленных монополий с голландским банковским капиталом за последнюю четверть века совершенно изменились. Если раньше банки диктовали свои условия промышленным предприятиям, то теперь для «Филипса» и ему подобных монополий даже самые мощные банковские объединения являются лишь своего рода приказчиками, выполняющими их задания и оказывающими услуги в размещении займов и при подготовке и осуществлении сделок по захвату чужих предприятий и фирм. Через дружественный банк монополия «Филипс», например, узнает все, что ее интересует об экономическом положении приглянувшегося предприятия. Через банк же она добивается создания затруднительных условий для хозяев этого предприятия, и с помощью банка она в конце концов диктует им свои условия.

Таким образом, по отношению к ведущим монополиям голландские банки теперь выполняют явно подсобную роль, а не руководящую, как это было здесь еще в первой четверти нашего столетия. Роль чисто банков-

ского капитала становится все скромнее. В настоящее время названные выше международные промышленные монополии в Голландии контролируют уже более половины всей экономики страны (перед второй мировой войной они контролировали лишь 20—25%).

Монополии эксплуатируют не только пролетариат, но и все более широкие слои мелкой и средней буржуазии, постепенно ликвидируя их как сколько-нибудь значительный экономический фактор в государстве. По существу, все магазины, торгующие электротехническими товарами в Голландии и отчасти за границей, принадлежат, например, концерну «Филипс» или зависят от него. В послевоенной Голландии «Филипс» всячески содействует разорению фермеров в сельском хозяйстве, дабы освободить дешевую рабочую силу для своих предприятий.

Монополии реагируют на насыщение рынка не столько удешевлением продукции, сколько прекращением ее производства. Если темпы продажи определенного товара снижаются, «Филипс» переходит на производство другого товара, на ходу перестраивая технологический процесс. При этом он стремится к тому, чтобы новое не появлялось в магазинах, пока все старое не продано.

В целях более полного охвата рынка «Филипс» часто выпускает одни и те же товары под разными названиями и по разным ценам. Это делается явно в расчете на неосведомленность и снобизм покупателя. В магазинах можно приобрести две-три почти одинаковых бритвы, или холодильника, или электропечки, или радиоприемника, различающихся, по существу, лишь названием и ценой. Один покупатель выбирает марку подороже, чтобы не отстать от своих друзей и соседей, которые тоже имеют такую. Другой невольно думает, что у более дешевого варианта наверняка есть какие-то изъяны и, если хватает денег, тоже обязательно приобретет более дорогой. Лишь тот, у кого действительно не хватает средств, покупает то, что подешевле.

Монополии создают скрытые внутренние резервы, используемые как своего рода «сверхнормативный» оборотный капитал, приносящий сверхприбыли, в которых

дирекция обычно не отчитывается перед акционерами. Благодаря этому возникают невиданные возможности манипулировать с балансами. Но с увеличением размеров «нелегальных» средств скрывать их существование становится все труднее.

У Филипсов способность «корректировать» (по их выражению) балансы доходит иногда до курьезов, особенно с тех пор, как в 1961 году бразды правления взял в свои руки Фриц Филипс, человек «высоконравственный», постоянно взывающий к «спасению цивилизации» и т. п. В марте 1970 года этот адепт «морального перевооружения» проповедника НАТО Бухмана с «волнением» в голосе говорил: «Я и многие другие люди в нашей стране серьезно обеспокоены возрастающим стремлением ломать существующие жизненные нормы... массы не хотят считаться с нормами поведения, которые должны гарантировать дальнейшее развитие нашей (т. е. филипсовской.— М. Б.) цивилизации».

В его понятии «спасти цивилизацию» означает спасти свои прибыли. Вот несколько примеров, показывающих истинный облик этого «спасителя» цивилизации.

В отчете за 1969 год оборот за 1968 год определяется в 11,6 миллиарда гульденов и оборот за 1969 год — в 13 миллиардов. Таким образом, рост оборота за год якобы составляет 12%. Но за год до этого в другом отчете указывалось, что оборот за 1968 год составил 9,7 миллиарда гульденов. Это несоответствие «объясняется» следующим образом: «цифры, относящиеся к 1968 году, скорректированы...», т. е. к фактическому обороту впоследствии был произвольно прибавлен весь оборот компаний, поглощенных «Филипсом» в том году, включая и месяцы, прошедшие до их перехода в руки «Филипса». Таким образом стараются скрывать от акционеров фактическое увеличение оборота за один год на 35%, которое явно не вяжется с объявленным увеличением чистой прибыли на 13% и с увеличением дивиденда на 1% (с 18% до 19%).

Еще пример «спасения цивилизации», на этот раз относящийся к самому близкому, самому дорогому для «Филипса» — к прибыли.

При прямолинейном, грубоватом тевтоне Оттене в

балансах «Филипса» концы с концами более или менее сходились. В 1960 году при обороте в 4,7 миллиарда гульденов (без внутреннего оборота) 211 000 работающих обеспечивали концерну чистую прибыль в 0,4 миллиарда гульденов. В 1965 году — уже при Фрице Филипсе — оборот в 7,5 миллиарда (при 252 000 работающих) дал якобы те же 0,4 миллиарда чистой прибыли, а в 1969 году, когда оборот достиг 13 миллиардов гульденов, концерн утверждает, что его чистая прибыль составила... 0,56 миллиарда гульденов! Непонятно тогда, что же делали 339 000 трудящихся, числившихся в этом году на предприятиях «Филипса». Не может же быть, чтобы они большую часть года отдыхали или бездельничали...

Если в 1960 году чистая прибыль, пересчитанная на одного работающего, допустим, действительно была в 3 раза больше, чем в 1951 году, и составила 1900 гульденов, то никак невозможно, что десять лет спустя она составила лишь 1525 гульденов, тем более что оборот на одного работающего в 1969 году был в 2 раза выше, чем в 1960 году.

Стремление скрыть размеры прибылей вполне понятно. Ведь государство за свои «великие услуги» изымает половину прибыли, а то и больше, в виде налогов. Каждый капиталист знает, что нужно обеспечивать средствами государство, но про себя думает: пусть платят другие и всячески старается утаить свои доходы.

Не сдобровать тому голландскому экономисту, который попытается проникнуть в эту тайну, если речь идет о могущественной монополии. Нам же не возбраняется давать оценку фактическим прибылям «Филипса».

Вспомним прежде всего, что говорил Франц Оттен, собираясь на покой в 1961 году: «К 1970 году результаты деятельности концерна будут в три-четыре раза выше, чем в 1960 году... По меньшей мере две трети этого роста будут финансироваться за счет внутренних резервов».

Оттен оказался прав: объем продукции за последние десять лет увеличился в 3 с лишним раза, хотя количество работающих выросло лишь на 60%. В этих условиях чистая прибыль тоже должна была бы вырасти по меньшей мере в 4 раза, поскольку концерн все время процветал. В действительности же анализ результатов деятель-

ности за 1969 год говорит о том, что около трех четвертей фактической прибыли было утаено «Филипсом». Таким образом, концерн сумел увильнуть от уплаты налогов на сумму около 1 миллиарда гульденов. И это только за один 1969 год!

Если иметь в виду, что концерн располагал оборотным капиталом, т. е. акционерным капиталом плюс резервы, в 3 с лишним миллиарда гульденов и брутто-прибыль составила 100% (она колеблется от 90 до 110% в зависимости от года), то фактическая чистая прибыль компании составила около 2,26 миллиарда гульденов. Эта цифра складывается из 0,56 миллиарда с брутто-прибыли в 1,3 миллиарда, за которые был внесен налог, плюс оставшиеся 1,7 миллиарда брутто-прибыли, с которых налог не взимался, поскольку они были утаены. Вот как создаются так называемые скрытые резервы.

Но это означает, что даже при инвестиции размером в 1 миллиард гульденов оборотный капитал увеличился за один год по меньшей мере до 4 миллиардов гульденов (общая сумма выплачиваемых дивидендов составляет меньше половины официальной чистой прибыли). Такой рост капитала сравним лишь с нарастанием снежного кома, скатывающегося с горы.

А 1970 год? В отчете за этот год, опубликованном весной 1971 года, факты еще более извращены. Чистая прибыль за 1970 год опять очень занижена, и даже ранее объявленная прибыль за 1969 год «откорректирована» и доведена до 518 миллионов. 1970 год дает пример еще более стремительного обогащения «Филипса», хотя дирекция горько жалуется на злую судьбу. Что же произошло? Прибыль якобы снизилась против 1969 года на 83 миллиона гульденов и составила лишь 435 миллионов. Если верить отчету «Филипса» за 1970 год, главные причины «бедственного положения» таковы:

1. «Резкое падение цен на цветные телевизоры». Это действительно так, но и сейчас они продаются с немалой прибылью.

2. «Плохое экономическое положение в США и Канаде, особенно во втором полугодии, в результате чего «Норт америкэн Филипс» потерпел убытки». Да, в США дела действительно неважные, но там есть еще и воен-

ные предприятия «Филипса», которые отнюдь не убыточны!..

3. «Инфляция вынудила фирму увеличить зарплату персонала на 13% в Голландии и Англии, на 14% — в Бельгии и на 19% — в Западной Германии и Италии». Возможно, что в среднем эти цифры соответствуют действительности, но... здесь в общую кучу свалены низкооплачиваемые рабочие и весьма высоко вознаграждаемые ученые и чиновники фирмы. Факт тот, что именно рабочие нигде не получили повышения зарплаты более чем на 7—8%, в то время как инженерно-технический персонал получил повышение в среднем на 20—30%. Чем выше заработок, тем больше процент повышения! Так-то!

4. «Сильным ударом для фирмы был крах отрасли интегральных схем». В порядке рационализации «Филипс» и другие фирмы, производящие электронно-счетные машины, провели широкие лабораторные изыскания, направленные на создание стандартных типовых блоков для ЭВМ. В изыскания были вложены большие средства, но пока они не дали результатов. Это, однако, не значит, что проделанная работа бросовая — ее можно рассматривать как капиталовложение.

5. «Динамика запасов, разбухших одно время до 37% суммы оборота, была причиной крупных финансовых расходов». В связи с инфляцией и явно со спекулятивными целями концерн запасся огромным количеством материалов и сырья. 37% от оборота составляют 5—6 миллиардов гульденов!

Дальше в отчете говорится, что существенная экономия будет достигнута в 1971 году путем сокращения числа рабочих и служащих, т. е. за счет трудящихся.

Подтверждают ли данные, даже опубликованные дирекцией, реальность той мрачной картины, которая нарисована хозяевами концерна? Приведем еще несколько цифр, красноречиво отвечающих на этот вопрос.

Оборот концерна в 1970 году вырос до 15,1 миллиарда гульденов против 13 миллиардов в 1969 году и 4,7 миллиарда в 1960 году. Акционерный капитал был увеличен на 45 миллионов гульденов — с 1,169 миллиарда в 1969 году до 1,214 миллиарда в 1970 году. Это, конечно, немного, но зато весь собственный капитал кон-

церна вырос с 5,5 миллиарда до 6,3 миллиарда, т. е. на 14,5 %. Как это возможно? Да за счет прибылей, которых якобы не было.

Одновременно стоимость средств производства и остальной постоянной капитал увеличился ни мало ни много — почти на 2 миллиарда гульденов, а «стоимость» всего концерна (т. е. то, что можно было бы выручить при его продаже) — с 15,2 миллиарда в 1969 году до 19,1 миллиарда гульденов в 1970 году!

Объективно оценивая эти цифры, нельзя не признать, что «Филипс» — по меньшей мере процветающий концерн. Но зачем же тогда все эти жалобы? Почему занижена так называемая чистая прибыль?

Об одной причине — стремлении снизить налоги государству — мы уже говорили. Но есть еще и другая причина. Прибеднение — старый прием предпринимателей в экономической борьбе с трудящимися. Рабочие справедливо считают, что такой богатый и преуспевающий хозяин, как «Филипс», вполне может повышать зарплату хотя бы в соответствии с ростом цен. Но «Филипс» от этого всячески увильивает, ссылаясь на то, что и так, мол, положение скверное. Смотрите, говорит он, даже прибыль по сравнению с прошлым годом уменьшилась на 16%, у нас, мол, дела идут отнюдь не лучше, чем у средних и мелких предпринимателей (которым, кстати сказать, действительно живется далеко не всегда легко).

Почему же дирекция «Филипса» может вести такую цифровую демагогию? Да потому, что объем так называемой чистой прибыли устанавливается ею же самой по собственному усмотрению, вне всякой зависимости от размера действительной прибыли.

Беспроегршная игра Фрица и Франца

Рассказ о деятельности руководителей концерна «Филипс» во время второй мировой войны многим может показаться неправдоподобным, но тем не менее он соответствует действительности. Правда, большинство фак-

тов, относящихся к тому периоду, стало известно лишь позже, да и то не со всеми подробностями. Во время войны мало кто знал о них и лишь благодаря публикации официальных докладов парламентской комиссии по расследованию деятельности правительства во время войны, назначенной в Голландии после освобождения, они стали достоянием общественности.

Итак, к концу 30-х годов концерн имел намного больше предприятий и рабочих за границей, чем в самой Голландии. Одной из главных причин этого была перестройка, проводившаяся в порядке подготовки к ожидаемой войне.

Согласно секретным сведениям, полученным Антоном еще в 1935 году из Берлина, война на этот раз не должна была миновать Голландию. Поэтому в 1937 году дирекция концерна «Филипс» изготовила несколько копий всех своих обширных архивов и отправила их на хранение в Англию и США.

Принимались и некоторые меры юридического характера. Так, на случай немецкой оккупации предполагалось передать заводы «Филипса» в Голландии специально созданному акционерному обществу «Эксплуатация», которое арендовало бы помещения и оборудование, приобретало запасы сырья, полуфабрикатов и готовой продукции. Все это, конечно, фиктивно, лишь для того, чтобы немцы не могли объявить заводы «покинутыми владельцами», что могло служить основанием для объявления их «германским имуществом».

Но своих будущих «западных союзников» Филипсы боялись все же больше, чем противника — Германию. Согласно договору, заключенному в мае 1939 года, в случае войны все предприятия «Филипса» в Англии и ее доминионах передавались «Мидленд бэнк», а предприятия, расположенные в Северной и Южной Америке, — «Хартфорд нэшнл бэнк». Все европейские предприятия на не оккупированных немцами территориях должны были остаться в ведении дирекции «Филипса», которая собиралась перенести свою официальную резиденцию в город Виллемстад на острове Кюрасау (Антильские острова).

Одновременно шла «военная» подготовка. Некий ка-

питан Сас, работавший у «Филипса» консультантом по военным вопросам, в 1938 году был заменен на этом посту пресловутым генералом Винкелманом. Назначенный нидерландским военным атташе в Берлине, Сас через заместителя начальника германской разведки Ганса Остера регулярно получал всю требующуюся «Филипсу» секретную информацию о предстоящей войне. Генерал же Винкелман занялся подготовкой к «обороне» заводов в Эйндховене, а потом, в январе 1940 года, в результате грубого нажима Оттена на правительство был назначен главнокомандующим нидерландскими вооруженными силами. После войны бывший командующий голландской пехотой генерал В. Роэлл под присягой показал перед парламентской комиссией:

«В декабре 1939 года началась настоящая клеветническая кампания, направленная против тогдашнего главнокомандующего генерала Рейндерса. Несомненный факт, что эта кампания велась из Эйндховена с заводов «Филипса». Я также знаю, кто был ее инициатором, но об этом я предпочитал бы не говорить. Генерал Винкелман подготовил заводы «Филипса» к войне. Задача эта как раз была ему под силу. Потом хозяева в Эйндховене нажали на правительство, чтобы добиться назначения Винкелмана главнокомандующим всех вооруженных сил».

В этой связи генерал Роэлл упомянул также фамилию Оттена, который сам показал перед парламентской комиссией, что в январе 1940 года немцы обратились к нему с просьбой выяснить, как голландское правительство будет реагировать на требование беспрепятственно пропустить немецкие войска в случае их нападения на Бельгию и Францию. По этому вопросу тогда же состоялось совещание Оттена с министром иностранных дел ван Клеффенсом...

Как бы то ни было, но в январе 1940 года генерал Рейндерс был заменен филипсовским генералом Винкелманом, который сразу же ликвидировал проводившуюся подготовку к обороне на юго-востоке Нидерландов. Чтобы не допустить возможности военных действий в районе Эйндховена, оборонительные линии на Пееле были срыты с большой поспешностью, и 9 мая того же

года немцы беспрепятственно овладели половиной страны, не нанеся ни малейшего ущерба предприятиям «Филипса». Потом уже они вторглись в Бельгию и Северную Францию, обойдя оборонительные линии этих стран.

За несколько дней до вторжения та часть дирекции «Филипса» (25 человек с семьями), которая по плану должна была эвакуироваться, отправилась в Гаагу и оттуда (вместе с некоторыми министрами и с английским послом) перешла на английские военные корабли, ожидавшие их на рейде у местечка Хук-ван-Холланд. Как сообщает профессор Бауман, эти «драгоценные» для концерна личности были «рассредоточены на нескольких кораблях в целях уменьшения риска» при пересечении Ла-Манша.

Задолго до войны «Филипс» купил большое поместье Сноуденхолл в Брамлее, недалеко от Лондона, для размещения там членов дирекции концерна и их семей в случае войны. Теперь они поселились здесь. Отсюда мужчины каждый день отправлялись в столицу «на работу». Власти, однако, создали для приезжих обременительные условия — покинуть поместье можно было лишь с разрешения полиции, пользоваться машинами и даже велосипедами вообще воспрещалось и т. д. Филипсы скоро поняли, как англичане в действительности относятся к ним, и особенно к немцу Оттену. Поэтому уже через три недели Антон решил перебраться со всей компанией в Америку.

В Эйндховене при немцах остался в качестве «директора для рейха» Фриц Филипс, который, по его собственному свидетельству, превосходно ладил с оккупантами. Вот что он писал в газете «Телеграф» от 20 октября 1940 года, т. е. на шестой месяц после нападения гитлеровцев:

«Так же, как и многие другие, мы, конечно, предвидели эту войну и запаслись большим количеством материалов и сырья. Сразу же после капитуляции немецкие инстанции просили нас по возможности скорее наладить работу наших заводов... Надо сказать, что они хорошо понимали, чем нужно было нам помочь, и они делали действительно все, что могли. Поэтому мы взялись за ра-

боту и в течение лета создали большие резервы продукции. Хотя мы и потеряли некоторое время на заключение новых договоров и экспорт несколько затормозился, теперь все это позади, и мы вновь экспортируем в целый ряд стран. Само собой разумеется, что среди них Германия занимает главное место».

Эти добрые отношения концерна «Филипс» с немецкими фашистами привели к некоторым затруднениям для Антона Филипса и Франца Оттена в Соединенных Штатах. В докладе сенатской комиссии Келгора о тайных связях предпринимателей с противником фамилия Филипс встречается неоднократно. Американские конкуренты стремились использовать это обстоятельство для того, чтобы затруднить проникновение «Филипса» на рынки западного полушария. Многого они, однако, не добились, так как «Филипс» сохранил в своих руках такие козыри, как соглашения с «Дженерал электрик» и важные патенты.

Свирепствовала самая ужасная за всю историю человечества война, а Фриц и Франц — два хозяина одного и того же концерна в полном согласии трудились, один — на Гитлера, другой — на западных союзников. Уже цитировавшийся нами профессор Бауман горько жалуется, что когда Оттен ездил из США в Англию для проверки тамошних предприятий «Филипса», то не встречал особой симпатии у голландского правительства в эмиграции. Сам Антон был очень недоволен премьер-министром Хербранди, который не согласовывал свои мероприятия с ним, как это бывало в Голландии до войны. Но ведь здесь, в Лондоне, в правительстве собрались сплошь ставленники концернов «Шелл» и «Юнилевер»! Все же Оттен из своих поездок в Лондон каждый раз привозил интересные новости, которые ему сообщал министр Бейлен. Отношения с королевским домом, и, конечно, особенно с принцем Бернардом, были теплыми, как всегда.

Все время поддерживался тесный контакт между Фрицем и Францем. Из оккупированного немцами Эйндховена сотрудники концерна то и дело выезжали в командировки в Лондон. В то же время другие встречались в нейтральной Швейцарии или в Швеции. Если

Фрицу не хватало какого-нибудь дефицитного сырья для выполнения военного заказа немцев, то Франц всегда ухитрялся подбросить нужное через нейтральную страну. Таким образом, концерн зарабатывал огромные деньги на военных поставках как немцам, так и союзникам. Даже голландское правительство в Лондоне платило «Филипсу» 20% комиссионных за приобретаемые у него товары.

В то время как законное голландское правительство находилось в эмиграции в Лондоне, немцы создали в оккупированной Голландии правительственный аппарат из голландцев-коллаборационистов, среди которых ставленники Филипса занимали «почетное» место.

Член правления «Филипса» Х. Волтерсом приказом фашистского наместника в Голландии Зейсс-Инкварта был назначен председателем государственного комитета по промышленности. После войны Волтерсом стал председателем правления концерна «Филипс», а заодно и Роттердамского банка, а также членом правления «Юнилевера» и ряда других компаний.

Другой член правления «Филипса», Л. Нейпелс, был назначен фашистами членом Верховного судебного совета Нидерландов, а после войны стал заместителем председателя этого органа, а также заместителем председателя правления «Филипса».

Т. Тромп, директор завода кинескопов «Филипса», во время войны служил «по совместительству» в голландской секретной службе, которая обслуживала как немцев, так и союзников, поскольку главными врагами она считала коммунистов. После войны этот профессиональный разведчик был назначен директором концерна «Филипс» и одновременно заместителем начальника голландской тайной полиции. В дальнейшем он дослужился до поста министра.

Служащий «Филипса», инженер Шрейнемахер, получив от Тромпа немецкие документы, неоднократно ездил через Стокгольм в Лондон и обратно. Начальник немецкой контрразведки в Голландии, узнав об этом, послал подробный донос в Берлин, но ему ответили, чтобы он не вмешивался «не в свое дело»!

Начальник частной полиции «Филипса» юрист В. де

Храафф, который был тесно связан с полицейскими инстанциями во всех странах, где «Филипс» имел заводы или представительства, с 1941 по 1944 год 22 раза посетил Швейцарию, бывшую тогда осиным гнездом всевозможных иностранных разведок. Он регулярно посещал и Берлин, где считался своим человеком в штаб-квартире гестапо. После войны этот голландский обер-шпион показал перед парламентской комиссией, что в резиденции Гимmlера ему так доверяли, что даже показали в один день с Гитлером секретнейший доклад о зяте Муссолини, итальянском министре иностранных дел графе Чиано.

Все эти господа сильно содействовали подчинению государственного аппарата монополиям, и в первую очередь «Филипсу». В дальнейшем мы увидим, что после поражения Германии «Филипс» взял под свою опеку выполнение ряда немецких промышленных и научных исследований, запрещенных в Германии победителями. Подобное же имело место и в области разведки и контрразведки, благодаря чему влияние голландских гитлеровцев Тромпа, де Храаффа и других в послевоенном государственном аппарате Нидерландов было особенно велико.

Это стало возможным потому, что ныне в капиталистическом мире истинными хозяевами являются монополии. В Голландии практически все буржуазные политические деятели лично связаны с какой-нибудь из монополий, а именно с той, которая вымуштровала их и в которую они надеются вернуться по окончании «командировки» в государственный аппарат. Политическая борьба буржуазных партий между собой — лишь отражение экономической борьбы монополий за гегемонию.

Осенью 1944 года английские и канадские войска заняли большую часть южных Нидерландов и 18 сентября освободили Эйнховен. И тут оказалось, что не только в США, а и в Германии действовали силы, стремившиеся навредить конкуренту — монополии «Филипс». Как только немцы ушли из Эйнховена, германские ВВС произвели массированную бомбардировку предприятий электро- и радиопромышленности этого города. Заводы «Филипса» были уничтожены на 25%, а административные и лабораторные здания — на 72%. Так напоследок дали о себе знать АЭГ и «Сименс»!

Два дня спустя после освобождения Эйнховена из Лондона вернулся глава концерна Франц Оттен. В освобожденной части Голландии власть уже находилась в руках «Военного командования», организованного и финансируемого «Филипсом». Формально оно находилось под началом принца Бернарда, но фактическими его руководителями были ставленники «Филипса», действовавшие в интересах монополии.

Главной заботой Франца и Фрица теперь стало создание надежного государственного аппарата из своих приспешников. В помещении торговой палаты Эйнховена они созвали конференцию для обсуждения этого вопроса. Присутствовали главным образом люди «Филипса», будущие министры и высокопоставленные чиновники голландского государства. После докладов заместителя начальника «Военного командования», заместителя начальника штаба, начальника тайной полиции и других обсуждалось и было принято обращение к королеве, составленное Бейлем. В нем эти господа требовали «создания крепкой власти с широкими полномочиями», «назначения должностных лиц независимо от их поведения в период оккупации», т. е. допуска предателей-коллорабационистов в государственный аппарат; «временного отказа от проведения выборов» и «замены выборных органов коллегиями из проверенных лиц, назначаемых из среды национально настроенных христиан».

В октябре 1944 года секретарь «Филипса» инженер Хелдерблом, которому была поручена организация финансирования «Военного командования», поехал в Лондон для сугубо секретных переговоров с правительством в эмиграции. Предметом их были все те же филипсовские требования, а кроме того «вопрос о молодежи» и др. Все было подготовлено к осуществлению ничем не прикрытой диктатуры крупных монополий в Голландии.

Но голландский народ, только что освободившийся от фашистской диктатуры и мечтавший об истинной демократии, восстал против подобного ущемления его прав. Этим воспользовались «Шелл» и «Юнилевер». Они добились назначения «социал-демократического» правительства под руководством тесно связанных с англичанами

Схермергорна и Дрейса. При формировании нового, далеко не левого правительства Оттен предложил своего ставленника Бейля в качестве министра внутренних дел, но Дрейс и Схермергорн категорически возражали. У них был свой кандидат на этот важный пост. Однако незадолго до представления нового правительства королеве Дрейсу и Схермергорну сообщили, что, если они откажутся от Бейля, их ждет скандал с разоблачениями. Так Оттену с помощью шантажа удалось добиться от нового кабинета назначения в качестве министра внутренних дел того самого Бейля, который будет затем энергично противодействовать мероприятиям по выявлению и наказанию военных преступников и предателей, а в дальнейшем станет премьер-министром.

«Всемирная промышленная федерация Филипс»

Уже к концу 1946 года оборот «Филипса» достиг уровня довоенного 1939 года. Темпы его развития нарастали. Если в 50-х годах оборот увеличивался в среднем на 9,5% в год (больше, чем у любой другой монополии в Европе), то к концу 60-х годов его ежегодное увеличение, даже по официальным данным, составило уже 12%. Этому развитию способствовал и способствует государственный аппарат, в котором ставленники «Филипса», как и прежде, занимают ключевые позиции.

В послевоенное время в результате многочисленных сговоров, объединений и слияний интересы «Филипса» и его соперников в государственном аппарате все более переплетаются. Монополии стремятся использовать свое влияние на правительство для того, чтобы совместно выжимать как можно больше прибылей буквально из всех слоев населения. Конечно, это не всегда проходит гладко, но государство всемерно помогает им. В 1945 году, например, оно за счет голландских налогоплательщиков предоставило «Филипсу» льготные кредиты на 120 миллионов гульденов (частично в иностранной валюте) для

восстановления разрушенных немцами зданий и приобретения нового оборудования. Главная помощь, однако, состояла в правительственной политике цен и зарплаты, многочисленные варианты которой были рассчитаны на поощрение крупных предпринимателей за счет рабочего класса, мелкой, а частично и средней буржуазии.

Общую тенденцию послевоенного развития концерна «Филипс» можно проследить по цифрам из его же отчетов за два десятилетия:

Год	Оборот (млн. гуль- денов)	Чистая прибыль в % к акцио- нерному капиталу	Дивиденд по рядо- вым акциям (%)	Кол-во рабочих и служащих (в тыс.)	
				всего	в Голлан- дии
1950	1 200	43	12	95	41
1960	4 800	53	16	221	64
1970	15 100	29	17	359	98

При увеличении количества работающих в 3,7 раза оборот увеличился почти в 13 раз, причем надо иметь в виду, что удельный вес рабочих (особенно в Голландии) постоянно снижается, а количество служащих, инженеров и ученых непрерывно увеличивается. Таким образом, выработка на одного рабочего возросла намного больше, чем это можно заключить из таблицы. Мы уже могли убедиться в том, что процент чистой прибыли к акционерному капиталу фактически был в несколько раз больше, чем это следует из отчетов.

За послевоенный период в концерне большое значение приобрело производство многих товаров, имеющих непосредственно военное значение. Общеизвестен тот факт, что ныне поставки современного, в том числе новейшего, вооружения для НАТО не обходятся без участия «Филипса». Командование НАТО заказывает радио- и телеоборудование почти исключительно у «Филипса», и даже акустическое оборудование в его конференц-залах создано по проектам этой фирмы.

Само собой разумеется, что голландское правительст-

во передает «Филипсу» все свои заказы на радарные установки для военных кораблей, электронное оборудование для ВВС и наземных родов войск, средства связи для так называемой гражданской обороны и т. д.

Западногерманское правительство, например, неизменно пользуется продукцией «Филипса» для оснащения кораблей военно-морского флота и наземных родов войск. В этой связи интересно отметить, что лишь недавно впервые были опубликованы данные о заводах «Филипса» в Западной Германии. Как оказалось, эти заводы, расположенные в Гамбурге, дают около 14% оборота концерна. В то время как общий оборот концерна за 1969 год увеличился на 12%, оборот его дочерней компании «Алгемайне дейтче Филипс индустри» возрос на 26%.

Еще в 50-х годах «Филипс» создал в Соединенных Штатах крупное предприятие по производству ракетного оружия, которое с тех пор постоянно расширяется. Концерн является также неизменным участником всех международных соглашений о совместном производстве и оснащении войск НАТО разного вида ракетами по американским лицензиям в самой Европе. Такие же соглашения, или консорциумы, создаются не только в области производства ракет, но и военных самолетов, оборудования для радарной сети НАТО и т. д.

Так, осенью 1970 года в Брюсселе был создан новый консорциум для снабжения НАТО электронным оборудованием, в котором «Филипс» играет ведущую роль. Речь идет о поставках радарной аппаратуры и электронно-счетных машин на общую сумму в 300 миллионов долларов.

Другим важным консорциумом в области производства вооружения был СЕТЕЛ, в котором наряду с «Филипсом» участвовали французский «Томсон-Устон», западногерманский «Телефункен», бельгийский «Электрик де Шарлеруа» и итальянская «Финмекканика».

Вот уже несколько лет идет ожесточенная борьба вокруг крупнейшего со времен второй мировой войны заказа на военные самолеты для НАТО, общая стоимость которого должна превысить 12 миллиардов гульденов — почти столько, сколько составляет весь годовой оборот «Филипса». Споры о подходящих типах самолетов

(«Локхид Ф-104» и «ФИАТ Г-91» должны быть заменены к середине 70-х годов) лишь прикрывают ожесточенную конкурентную борьбу из-за распределения заказов. Под лозунгом «освободить Европу от многолетней американской зависимости в области ВВС» группа европейских авиазаводов создала проект комбинированного истребителя-бомбардировщика для НАТО, известного под маркой «МРКА-75». Но участники так и не смогли договориться о долях, и в 1969 году голландцы вышли из консорциума. Правда, он от этого не распался. Летом 1970 года «Локхид» предложил новый вариант машины «СЛ-1200 Лансер», в которой могут использоваться запчасти и узлы «Старфайтеров» («Ф-104»). Чем бы ни закончилась борьба за дележку жирного военного заказа, голландское правительство приобретет в конце концов именно тот тип, на котором голландская промышленность, и в первую очередь «Филипс», больше всего зарабатывает.

Традиционные деловые и дружеские отношения «Филипса» с западногерманской военщиной за послевоенные годы стали еще теснее. Бывшие гитлеровские генералы — теперь уже в качестве представителей НАТО — частые гости Фрица Филипса и ван Римсдейка. В 1957 году даже такой известный военный преступник, как генерал Адольф Хойзингер, вместе с Фрицем Филипсом осматривал цехи заводов концерна в Хенгело, которые вообще считаются совершенно секретными и куда тайная служба НАТО обычно никого не допускает. До сих пор западногерманские генералы являются желанными гостями и выгодными заказчиками «Филипса».

За последние годы широкое развитие получила лазерная техника. По сообщению западной прессы, 8 ноября 1971 года голландский военный министр де Костер и его западногерманский коллега Шмидт договорились об испытании на специальном полигоне близ города Сейдорф (ФРГ) нового образца самоходной зенитной установки с автоматической наводкой на цель с помощью радара. Новый вид вооружения предназначен для армий обоих государств и был разработан и изготовлен на предприятиях концерна «Филипс».

Уже несколько лет в мировой прессе обсуждаются во-

просы, связанные с изобретением ультрацентрифуги для обогащения ядерного горючего — урана. Долгое время все сводилось к догадкам, так как официальные инстанции молчали об ультрацентрифуге, и никто точно не знал, в чем же суть дела.

Но вот в первые дни марта 1970 года неподалеку от голландского городка Алмело и в непосредственной близости от западногерманской границы собрались министры иностранных дел трех держав — Англии, Западной Германии и Нидерландов для подписания международного договора о совместном производстве обогащенного урана с помощью ультрацентрифуги.

Многочисленным журналистам, приглашенным осветить это важное политическое событие, сразу же бросилось в глаза, что они находятся во владениях «Всемирной промышленной федерации Филипс». Охрана состояла из частных полицейских этого концерна. Земли, на которых уже воздвигались завод центрифуг и обогатительный завод, были переданы «Филипсом» во владение новых предприятий, да и строительная организация, сооружающая заводские корпуса, оказалась филипсовской. Проекты зданий были составлены инженерным бюро «Интарко», также принадлежащим концерну. Кроме того, на смежной площадке находились два действующих предприятия этого электротехнического концерна. Во время церемонии подписания договора в числе других выступил и директор строящегося завода центрифуг инженер Х. Барон, которого рекомендовали как «бывшего» сотрудника «Филипса».

Уже сейчас в капиталистическом мире имеется немало действующих и строящихся атомных электростанций, рассчитанных на урановое горючее. Чтобы можно было использовать уран в реакторах и ядерных бомбах, необходимо обогатить его. В производстве ядерного горючего самым дорогим, а поэтому ценообразующим фактором является именно процесс обогащения.

В Голландии об ультрацентрифуге впервые узнали к концу 50-х годов в связи со скандалом в Амстердамском университете, где, как оказалось, некоторые профессора занимались научными исследованиями по поручению и за счет частных фирм. Именно тогда обнаружилось, что про-

фессор Кистемакер под прикрытием университета уже много лет работает по поручению западногерманской фирмы «Дегусса» над сверхсекретным изобретением военного значения. О причастности концерна «Филипс» к этом делу, однако, мало кто знал. Но именно по его инициативе и при содействии голландских властей недалеко от Амстердама для Кистемакера была оборудована специальная лаборатория, окруженная высоким проволочным заграждением и строго охранявшаяся.

Голландская общественность очень резко реагировала на известие о причастности «Дегусса» к университетским исследованиям. На фасаде дома профессора Кистемакера чья-то рука даже намалевала фашистскую свастику. Но работа продолжалась как ни в чем не бывало, и крупный завод металлических конструкций «Веркспоор» под непосредственным руководством представителя «Филипса» Х. Барона в конце концов построил центрифугу. Тогда же стало известно, что при помощи нескольких таких аппаратов, свободно размещающихся в обыкновенной жилой комнате, можно изготавливать ядерную взрывчатку для атомных и водородных бомб. В 1969 году известный западногерманский атомщик Э. Беккер сообщил в журнале «Кернтехник», что немцы, анализируя методы обогащения урана, пришли к заключению, что лишь применение ультрацентрифуги дает возможность быстро переключить на военные рельсы обогатительный завод, выпускающий ядерное горючее для реакторов.

Стало известно, что между участниками вновь созданной монополии «УЦ» продолжается грызня по вопросу о применении типа центрифуг. Но как бы то ни было, «Филипс» сумел обеспечить себе главенствующее положение в голландской части концерна «УЦ», участниками которого являются также компании «Нератом», «Шелл», «Веркспоор», «Рейн-Схелде» и др.

«Филипс» уже давно собирался организовать производство атомных реакторов для военных и торговых флотов стран НАТО. Голландское отделение «Евратома» — «Нератом» — организация, в которой голландский налогоплательщик участвует с сошкой, а «Филипс» с ложкой, — в 60-х годах разработал проекты таких реакторов и построил экспериментальные модели. Одно время «Фи-

липс» занимался еще и вопросами деления первичных частей, но в связи с многообещающим участием в концерне «УЦ» он отказался от этих пока что слишком «теоретических» изысканий, не сулящих достаточно большой прибыли в ближайшее время. Прежде всего чистый уран-235 и реакторы!

Поэтому-то «Филипс» и настаивал на включение в число участников нового концерна «УЦ» будущего заказчика его реакторов, а именно объединения «Рейн-Схелде», куда вошли также «РДМ» и «Феролме». Затея с реакторами для военного флота принесет «Филипсу» дополнительные богатые доходы помимо огромных экономических и политических выгод, которые концерн «УЦ» сулит своим участникам вообще.

Если же в отчетах «Филипса» вы станете искать раздел по военной промышленности, то не найдете его там. Концерн имеет ряд отраслевых главных управлений, но среди них также отсутствует управление по военной промышленности, хотя в документах иногда вскользь говорится о некоторых средствах связи и радарах, изготавливаемых для армии.

Рассмотрим теперь структуру монополии или, вернее, анатомию спрута.

По производственной линии концерн делится на десять специализированных главных управлений, каждое из которых имеет свою дирекцию и собственную отраслевую лабораторию. Общий рост продукции этих управлений за 1959—1969 годы, согласно отчету, составил 320%. Назовем лишь некоторые из них.

Главному управлению осветительных приборов подчиняются заводы во всех странах ЕЭС, а также в ряде развивающихся стран. На этих заводах производятся, кроме всевозможных осветительных ламп и арматуры к ним, инфракрасные лампы и т. п.

Главное управление электронного оборудования выпускает во многих странах полупроводниковые материалы и аппаратуру, в которой они используются: магнетроны для радаров, телевизионные трубки, рентгеновские трубки и пр.

Главное управление аппаратуры также имеет заводы во многих странах четырех континентов, где выпускаются

радиоприемники и телевизоры, проигрыватели, электро- бритвы, кварцевые и другие лампы для бытового использования, холодильники, стиральные машины и т. д.

Заводы главного управления телекоммуникаций выпускают радио- и телевизионные передатчики, радио- и телефонные установки, сигнальную аппаратуру для железнодорожного транспорта, релейные станции.

Значительное развитие получило недавно созданное главное управление электронных вычислительных машин (ДАТА), ведающее заводами главным образом в Голландии и США.

Кроме того, имеются еще главные управления фармацевтических и химических препаратов, медицинской аппаратуры, акустической аппаратуры, промышленного оборудования и, наконец, подсобных предприятий.

Вся эта сложная машина управляется из Эйндховена, где дирекция, кроме производственных и хозяйственных управлений, располагает центральной физической лабораторией, основанной еще Херардом Филипсом в 1914 году, а также главным секретариатом — мозговым центром международного спрута. Для нас весьма интересно познакомиться с деятельностью и этого детища Антона Филиппса, который любил называть его академией государственных деятелей. Именно через секретариат владельцы наряду с повседневным руководством концерном осуществляют то, что они называют «перспективным планированием».

Журнал «Курьер Филипса», рекомендуемый себя «центральным органом всемирной промышленной федерации Филипс», с изумительной, хотя и далеко не полной, откровенностью, рассказывает о главном секретариате как об институте, «подарившем» Нидерландскому королевству много министров и других высокопоставленных государственных деятелей. В номере от 14 февраля 1959 года журнал писал, что созданный Антоном Филипсом в 1919 году секретариат постепенно стал его «советом министров».

Первоначально задачи секретариата ограничивались «охраной юридической структуры компании и активным содействием ее развитию». Но задач все прибавлялось. «Тот факт, что очень многие из бывших работников сек-

ретариата теперь занимают важные и ответственные посты в нашем государстве и в международных организациях, говорит о том, что секретариат является превосходной школой... Многие стали директорами других предприятий или членами парламента, верховного суда или министрами». Далее журнал подтверждает, что секретариат, по сути дела, играет роль правительства. «Почти вся деятельность нашего концерна активно руководится секретариатом, который занимается то вопросами ядерной физики, то Европейским экономическим сообществом, а то и жилищным строительством — областью, в которой секретариат вообще всегда играл важную роль».

В повседневной жизни Голландии деятельность этого учреждения действительно чувствуется на каждом шагу. Так, еще в 1931 году по инициативе секретариата сотрудники «Филипса» подвергали цензуре всю почту в Эйндховене. Добытые таким образом сведения концерн использовал для расправы с непокорными рабочими. Факты эти стали общеизвестными, когда в парламенте их обсуждали по инициативе представителей Голландской компартии.

В дальнейшем секретариат организовал свою собственную международную полицию. Она поддерживает тесные контакты с государственной полицией во всех странах, где есть предприятия «Филипса». В 1969 году частная полиция устроила кровавое побоище в Эйндховене, когда рабочие во время мирной демонстрации протеста против сговора «Филипса» с греческими полковниками возложили венок из колючей проволоки у памятника Антону Филипсу. В оправдание этих полицейских бесчинств представитель секретариата заявил тогда журналистам, что нельзя было допустить «такого святотатства».

В 1968 году одному рыбаку в провинции Зеланд вздумалось отказать представителю секретариата «Филипса» в продаже небольшого земельного участка. Его бросили в тюрьму, чтобы он «подумал как следует». Происшествие получило огласку, о нем писали газеты. Рыбака пришлось выпустить. Что касается участка, то он все же достался «Филипсу», хотя не так дешево, как предполагалось.

Лет двенадцать назад «Филипс» купил участок земли

в Дренте для строительства завода. По требованию секретариата это место официально было объявлено «развивающимся районом», вследствие чего правительство взяло на себя часть расходов по строительству и даже по зарплате рабочим в первый год эксплуатации. Когда же другой, но не такой влиятельный, как «Филипс», предприниматель в расчете на такие же льготы обосновался в этом районе, ему было отказано в какой бы то ни было помощи, и он обанкротился.

Мы уже имели случай видеть, как «Филипс» «борется за благополучие народа», против безработицы и т. д. Примечательным примером этой «борьбы» являются следующие события, разыгравшиеся в 1970 году.

На северо-востоке Нидерландов, в провинции Хронинген, безработица приняла такие размеры, что население быстро радикализировалось. Правительство серьезно встревожилось все увеличивающимся влиянием коммунистов. Ряд предпринимателей получили экстренные правительственные субсидии на строительство заводов в этом районе. «Филипс» под обещание принять на работу 1100 безработных получил дотацию в несколько миллионов гульденов, а также готовые заводские помещения.

Быть «благодетелем народа» за счет налогоплательщиков ему, однако, показалось мало. Вместо того чтобы открыть новое производство и предоставить работу 1100 безработным, «Филипс» перевел в новые даровые помещения существующее предприятие вместе с рабочими, а безработные так и остались без работы.

По инициативе секретариата «Филипса» и под флагом НАТО в начале 1971 года в Эйндховене собрался международный симпозиум по борьбе с загрязнением воздуха. Но ученые ряда стран, съехавшиеся на этот симпозиум, с разочарованием констатировали, что они попали на рекламное мероприятие «Филипса», целью которого было наладить сбыт нового изобретения — автомобильного мотора «Старлинг», работающего на горячем воздухе и не так сильно загрязняющего воздух, как обычные двигатели внутреннего сгорания. Кто же посмеет сказать, что «Филипс» не ратует за «оздоровление жизненной среды» так же, как он горячо печется об «оздоровлении моральной среды» и «спасении цивилизации»!

В начале 1969 года, отвечая на запросы в парламенте, тогдашний министр экономики де Блок был вынужден признать, что секретариат концерна «Филипс» практически сам устанавливает размер государственного налога с оборота на изделия концерна. Впрочем, по словам министра, то же самое делали и другие монополии. «Это общая практика», — как он выразился. А мы добавим: пагубная для народов деятельность «Филипса» — «общая практика» государственно-монополистического капитализма!

Особенностью концерна «Филипс», отличающей его от большинства американских концернов, является то, что почти все материалы, детали и полуфабрикаты, используемые им, производятся на его же предприятиях. Правда, эти предприятия разбросаны по всему капиталистическому миру, так что нужно говорить и о сильной децентрализации производства. Такое положение ведет к тому, что значительная часть экспорта «Филипса» из Голландии является внутренним экспортом «ВПФФ». При этом часть готовой продукции, собранной за границей из деталей, вывезенных из Голландии, как бы реэкспортируется в Голландию. То же самое имеет место в сфере международной торговли других стран, в которых размещены предприятия концерна. Частично «Филипсу» это на руку, но до известной степени национальные границы все же стали помехой для его деятельности.

Тесные связи с голландским государственным аппаратом позволяют концерну вести себя бесцеремонно и с некоторыми другими правительствами. Например, когда «Филипс» в 1970 году не посчитался с требованиями индийского правительства, ему был запрещен ввоз производимых в Голландии деталей, необходимых для монтажа радиоаппаратуры на его заводе в Индии. Что же сделал секретариат концерна? Он уговорил голландское правительство приобрести партию нужных деталей и подарить их Индии в порядке «помощи слаборазвитым странам». Когда радиодетали оказались таким образом в Индии, где они никому, кроме «Филипса», не были нужны, их — не выбрасывать же! — передали на радиозавод, и производство возобновилось до поры до времени.

В Индонезии «Филипс» с давних пор владел заводом «Ралин», который потом был национализирован прави-

тельством Сукарно. Ценою рек крови, пролитых индонезийцами, «Филипс» и другие международные монополии сумели возвратить себе национализированные предприятия и создать в стране выгодные для себя условия. Поэтому стало возможным, что Фриц Филипс, выступая в сентябре 1970 года на торжественном открытии нового предприятия по производству электроламп в Сурабае, не преминул выставить свой концерн в качестве «благодетеля» индонезийского народа. К подобным «благодетениям», по-видимому, относится и то, что в настоящее время «Филипс» поставляет и монтирует в стране тысячи островов — Индонезии обширную сеть электронной связи. А, между прочим, эта сеть имеет первостепенное военное значение для империалистов, стремящихся подчинить себе народы Юго-Восточной Азии.

Деятельность концерна «Филипс» лишней раз доказывает, что пресловутая «помощь» капиталистов развивающимся странам есть не что иное, как двойной грабеж: грабят налогоплательщиков метрополий для того, чтобы финансировать ограбление народов молодых государств.

«Филипс» — злейший враг народов

Читатель уже знает о пряниках и вишенках, которые старый Фредерик Филипс раздавал по праздникам на фабрике, одновременно не доплачивая своим рабочим три четверти фактически заработанных ими денег. С тех пор масштабы и техника демагогии изменились до неузнаваемости, но суть ее осталась старой, филипсовской.

Надо признать, что до поры до времени такие методы приносили немалые выгоды хозяевам. Известно, что на заводах «Филипса» в Голландии, несмотря на жестокую эксплуатацию, крупных забастовок никогда не было, если не считать период второй мировой войны. Этот факт вдохновил профессора Баумана на ширококвещательные разглагольствования о «добротe» хозяев концерна, о прекрасных социально-бытовых условиях и обеспеченности их рабочих и т. п. В действительности дирекция «Филип-

са» со временем выработала сложную систему взаимодействующих мероприятий с целью предупреждения и подавления выступлений рабочих.

В то время как Оттен круто разделялся с рабочими в годы кризиса, главный инженер предприятий «Филипса» профессор Я. Хаудриан лез из кожи вон, чтобы отвлечь их от борьбы, распространяя «идеи» социал-демократического оппортунизма. Он проповедовал, что «настоящий социализм» якобы — умонастроение, благодаря которому в капиталистическом обществе воцарится «классовый мир и всеобщее процветание»... Ввести этот «социализм», по мнению сего ученого мужа, призваны руководители социал-демократического движения. Для себя и своих единомышленников, таких, как Форринк, Баннинг, Дрейс, Схермергорн, он требовал некоторой свободы в проведении своей демагогии. Но с этим никак не хотел согласиться Антон Филипс. Он страшно возмущался, когда Хаудриан писал по его адресу: «Необходимо, однако, учитывать революционные традиции и настроения народа и поэтому не следует резко критиковать социал-демократических руководителей, если они иногда идут на некоторые уступки рабочим».

Даже вынужденную уступчивость социал-демократических лидеров, пришедших к власти после второй мировой войны, Антон ненавидел. Этим лидерам потребовалось несколько лет усердной службы монополиям, прежде чем Филипсы признали их своими верными слугами. Ф. Барух не без основания подчеркнул, что «социалисты» из партии труда Дрейс и Схермергорн не меньше содействовали невиданно быстрому послевоенному развитию концерна, чем политические деятели, воспитанные его секретариатом.

В начале 50-х годов к политической демагогии прибавилась и экономическая. «Филипс» выпустил миллион акций по 100 гульденов в расчете на привлечение акционеров из среды рабочей верхушки и мелкой буржуазии. В связи с этим много и шумно разглагольствовали о якобы наступившей эре «народного капитализма», о «настоящем социализме», при котором народ «владеет» крупными предприятиями. Все это кажется очень смешным, если знаешь, что миллион таких акций представляют менее

10% акционерного капитала и не дают рабочим никаких прав, кроме получения назначаемого дирекцией «Филипса» дивиденда.

Забастовкам и массовым выступлениям рабочих на предприятиях «Филипса», наряду с ловкой демагогией, препятствует тайный и явный полицейский террор на предприятиях. Частная полиция «Филипса», о методах «работы» которой уже говорилось, опирается не только на государственную тайную полицию, но и на достаточно широкую сеть осведомителей и провокаторов на самих предприятиях. Деятельность полиции облегчается тем, что предприятия «Филипса» разбросаны по всей стране и за рубежом, а цехи изолированы друг от друга системой пропусков. Рабочие массы искусственно разобщены как на работе, так и в быту. В Голландии трудно найти город без предприятия «Филипса» или деревушку, где бы не жили его рабочие и служащие. Как дома, так и на работе рабочие, служащие, инженерно-технический персонал и даже ученые, занятые у «Филипса», предпочитают не затрагивать в разговорах «крамольных» тем, ибо знают, что за ними везде наблюдают и их везде подслушивают.

В 1970 году «Филипс» перешел к применению и других мер, вполне соответствующих его духу. Так, он использовал неофашистскую террористическую группировку «гномы» для создания на предприятиях концерна новых «профцентров», т. е. фактически отделений неофашистской организации. Под видом борьбы с коммунизмом они силой пресекают всякие проявления недовольства трудящихся. При этом неофашист выступает, конечно, не от имени дирекции предприятия, а как «свой рабочий человек».

Филипсовская полиция не останавливается и перед прямыми провокациями. Приведем лишь один пример.

С начала 1971 года в Эйндховене начала орудовать банда молодчиков, выдающая себя за «красную молодежь». На самом деле она состояла лишь из хорошо знакомых полиции уголовников и шпиков. Они устраивали дебоши в кафе и на собраниях, пытались спровоцировать беспорядки среди рабочей молодежи.

В августе 1971 года в ратуше Эйндховена состоялась специальная конференция полицейских чиновников с бур-

гомистром и представителями министерства юстиции якобы для того, чтобы разработать меры против «красной молодежи». Одновременно распространялись слухи о будто бы готовящихся «левыми» актах саботажа в цехах «Филипса», где установлены автоматические линии. Для пущей убедительности кто-то «забыл» на вокзале небольшой металлический предмет, начиненный электронным микроборудованием и проволокой. Одним словом, полиция «Филипса» в своем репертуаре!

Вся эта политика «кнута и пряника», проводимая «Филипсом» для деморализации и подавления трудящихся, однако, оказалась не в состоянии противостоять возрастающему массовому возмущению, вызванному систематическим снижением жизненного уровня в последние годы. В Голландии, как и в других странах капиталистического мира, стоимость жизни возрастает быстрее, чем зарплата. Сознательно проводимая инфляция, достигающая в среднем 7—8% в год, неизбежно ведет к ухудшению материального благосостояния народных масс. Этот процесс протекает как бы исподволь, причем предприниматели, подобные «Филипсу», в прессе, по радио и телевидению всячески превозносят собственную «доброту» каждый раз, когда они вынуждены повысить зарплату своим рабочим и служащим. Но при этом они, конечно, умалчивают тот факт, что еще более значительное повышение цен тоже дело их рук.

Мы уже говорили, что концентрация капитала путем объединения или захвата конкурирующих предприятий является одним из распространенных способов увеличения прибыльности производства. Вместе с тем она является и способом притеснения рабочих. Вот лишь один пример, иллюстрирующий последствия концентрации для трудящихся.

В начале 1970 года вдруг стало известно, что «Филипс» приобрел крупные кабельные заводы «НКФ». Подобные сделки стараются держать по возможности дольше в тайне, чтобы выиграть на повышении курса акций приобретаемого предприятия и не будоражить рабочих и служащих, которым объединение обычно грозит массовыми увольнениями. Так было и на этот раз. Никто не знал о предстоящей сделке, но курс акций «НКФ» быст-

ро поднялся с 248 до 510 пунктов. Между тем президент СЭР (правительственный орган, призванный следить за соблюдением законов предпринимателями), бывший министр де Паус всячески успокаивал публику, заявляя, что не предвидится никакого объединения.

Вскоре, однако, оказалось, что сам де Паус в качестве комиссара обоих концернов — «Филипса» и «НКФ» — лично, по договоренности с Фрицем Филипсом, подготовил эту сделку (и, конечно, снял с нее сливки). В результате более 4 тысяч рабочих, сами того не ведая, сменили своих хозяев. Когда-то торговали рабами, позже — имениями вместе с крепостными, а теперь, как видим, торгуют целыми предприятиями вместе с рабочими и служащими.

«Филипсу» принадлежит контрольный пакет акций кабельного завода «Фелтен и Гиом» в Западной Германии. Там же существует и завод «НКФ», тоже приобретенный «Филипсом». Объединение этих предприятий в руках одного хозяина и последовавшая за ним «рационализация» производства привели к увольнению значительной части рабочих и служащих, которым в нынешних условиях не так легко найти другую работу. Из 15 с лишним тысяч рабочих, уволенных в первой половине 1971 года, 95%, или 14 500 человек, оказались жертвами укрупнений и реорганизаций производства и лишь 5% ушли по другим причинам. Вряд ли после этого надо доказывать, что целью экономической перестройки, в жертву которой приносятся интересы рабочих, является увеличение прибыльности монополий.

Той же цели служит целый комплекс правительственных мероприятий: значительное сокращение ассигнований на народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение, культуру и пр. при одновременном увеличении военных расходов и ассигнований на так называемую «помощь развивающимся странам». «Помощь» эта идет главным образом на дотации «Филипсу» и другим крупнейшим голландским предпринимателям. Режим экономии, проводимый правительством, бьет исключительно по жизненному уровню населения, а не по карману крупных собственников.

Управление почтой, например, недавно решило разно-

сить письма и газеты лишь один раз в сутки, но одновременно организовало специальную доставку корреспонденции крупным учреждениям и предприятиям. Тарифы на газ и электричество для населения в несколько раз выше, чем для предпринимателей. То же самое имеет место и с тарифами на услуги коммунальных предприятий.

Одним из основных факторов увеличения прибыльности является снижение расходов по зарплате. Но «Филипс» и другие монополии все время чувствуют конкуренцию средних предпринимателей, которые стараются переманить к себе квалифицированных рабочих, обещая им более высокие заработки и лучшие условия труда. Невслыханно завышенные монопольные цены оставляют для средних предпринимателей достаточный простор для того, чтобы конкурировать со всемогущим «Филипсом» даже при гораздо более высокой себестоимости продукции. Поэтому их рабочим иногда живется «лучше», чем занятым у «Филипса» и ему подобных. Но монополии не успокаиваются и требуют от правительства установить определенные «потолки» зарплаты законодательным путем. «Филипс» и подобные ему монополии ведут экономическую войну, как видим, не только с рабочим классом, но и с мелкой и средней буржуазией, т. е. с владельцами мастерских, мелких и даже средних предприятий, а также магазинов, лавок и крестьянских хозяйств.

По примеру западногерманского концерна «Мессершмидт» «Филипс» стал вводить на своих предприятиях новую систему «скользящего рабочего времени». Вот что писал о ней в начале 1970 года журнал «Профит», орган голландско-немецкой торговой палаты: «Благодаря скользящему рабочему времени общее количество затраченного (имеется в виду оплачиваемого.— М. Б.) времени точно соответствует общему количеству работы. Рабочий трудится лишь тогда, когда в этом нуждается предприятие... Когда работы мало, рабочий свободен, но когда наступает авральный период, он добровольно остается работать столько, сколько требуется».

Таким образом, рабочему оплачиваются лишь часы полной загрузки. Никакого простоя! «Теперь не нужно платить ему за часы, потраченные на посещение врача и т. п.»,— радуется журнал.

Ясно, что эта система оставляет место для любого произвола и таит в себе большую опасность для рабочего. Восьмичасовой рабочий день, по существу, ликвидирован, и рабочий никогда не знает, сколько заработает на следующей неделе. Он стал еще больше зависеть от мастера и вынужден «добровольно» работать по 12—16 часов в сутки, рискуя своим здоровьем и не имея права даже на сверхурочные доплаты.

При такой системе любой рабочий «незаметно» может стать полубезработным или безработным. Особенно ему это грозит, когда он уже не молод и хозяевам выгодно заменить его более сильным и молодым.

Ясно, что антирабочие мероприятия монополий все более накаляли атмосферу. Взрыв стал неизбежным. Его ускорили события, потрясшие Голландию в сентябре 1970 года. Дружно забастовали роттердамские портовики. Требование бастующих было предельно конкретно и ясно: единовременная выплата 400 гульденов каждому рабочему и служащему в виде компенсации за дороговизну. Оно стало общим лозунгом трудящихся во всей Голландии и там, где не сразу удовлетворялось, работа была прекращена. Если за весь 1968 год зарегистрировано 14 000 забастовочных дней, то только в сентябре 1970 года их было 191 000, а всего за этот год — 263 000. Повсеместно в цехах и на улицах, в трамваях и кафе то и дело слышались слова: «400 гульденов», «бастуем», «400 гульденов», «забастовка».

Предприниматели, да и правительство были вынуждены уступить, и 400 гульденов получили все — от рабочих и служащих предприятий до высших чиновников госаппарата, от профессоров университетов до батраков на фермах. И лишь одна фирма отказалась удовлетворить требование своих рабочих... «Филипс» отказался платить 400 гульденов просто потому, что дирекция не могла себе представить возможность забастовок в ее владениях.

Но сколько веревочке ни виться... К великому удивлению всей общественности и совершенно неожиданно для самих хозяев «Всемирной промышленной федерации Филипс», десятки тысяч рабочих и служащих в ответ на отказ выплатить им по 400 гульденов объявили забастовку на предприятиях в Эйнховене, Мидделбурге, Стад-

сканале и Дордрехте, Хоркуме, Тилбурге, Хохевейне и Левардене, Винтерсвэйке, Хорне, Драхтене и Алмело. Чтобы сорвать забастовку, дирекция послала своих представителей во все эти города. В их задачу входило убедить рабочих бастующих предприятий, что бастуют только они и что в остальных городах никто якобы и не думал бастовать. Но в современных условиях такая примитивная ложь, конечно, сразу же была разоблачена. Бастующие поддерживали связь между собой и дружно отстаивали свои требования.

Тогда дирекция пошла на попятный и объявила, что фирма согласна выдать каждому рабочему по 200 гульденов немедленно. Остальные 200 было обещано выплатить в первом квартале 1971 года. Поскольку профсоюзные лидеры не поддержали забастовку и посему профсоюзные кассы остались закрыты, бастующие вынуждены были согласиться с предложением дирекции и почти повсеместно возобновили работу.

В начале 1971 года, когда страсти немного улеглись, «Филипс» и профсоюзные лидеры начали переговоры о новом коллективном договоре на ближайшие годы. К этому времени правительство уже издало ряд постановлений, запрещающих сколько-нибудь значительное увеличение зарплаты. Ссылаясь на это, профсоюзные бонзы быстро согласились на ежегодное повышение зарплаты рабочим в среднем на 1—1,5%, хотя, даже по заниженным официальным данным, стоимость жизни должна была возрастать на 6% в год (фактически за 1971 год удорожание составило более 10%).

Несмотря на такую услужливость профсоюзных лидеров, Фриц Филипс, утверждая, что забастовки вообще дело рук «безответственных элементов», добавил: «Настойчивость профсоюзных лидеров, по-видимому, объясняется страхом перед возрастающим влиянием коммунистов среди рабочих».

Фальшь тут очевидна, ибо «настойчивость» бонз касалась отнюдь не уровня зарплаты рабочих, а лишь размеров той суммы, которую «Филипс» по коллективному договору обязался вносить в кассу профсоюзов. Концерн предлагал 125 миллионов гульденов в год, но бонзам это-

го показалось мало — могло не хватить на их огромные оклады.

Не удивительно, что рабочие все чаще выступают самостоятельно, не надеясь на поддержку реформистски настроенных руководителей профсоюзов, особенно когда речь идет о борьбе с такими концернами, как «Филипс», стоящими во главе экономической и политической жизни в стране.

Именно сплоченность и твердая настойчивость рабочих «Филипса», среди которых коммунисты завоевывают все большее влияние, вынудили профсоюзных бонз пересмотреть свои соглашательские позиции по отношению к коллективному договору. Вот уже больше года тянутся переговоры, поскольку рабочие отвергают всякие посягательства на их жизненный уровень, а дирекция «Филипса» не желает идти ни на какие уступки.

В январе 1972 года крупные профсоюзные объединения разделились: социалистическое профобъединение под давлением рабочих, и в первую очередь коммунистов, выразило готовность поддержать новую забастовку, в то время как христианские профобъединения остались на стороне предпринимателей и, рискуя потерять значительную часть своих членов, уговаривают рабочих согласиться с мизерным повышением зарплаты, предлагаемым «Филипсом» и другими монополиями.

В этих условиях провокационная деятельность полиции лишь еще больше накаляет атмосферу. Каждый день происходят столкновения. Все это говорит о том, что новый глава монополии ван Римсдейк явно предпочитает вызывать беспорядки, которые могут послужить поводом для массовых увольнений, упомянутых им в «программной» речи в начале июля 1971 года.

Концерну «Филипс» уже 80 лет, и первую крупную забастовку в его жизни можно вполне сравнить с первым инсультом старого человека. Это — начало конца.

Но дело даже не в забастовках и конфликтах. Монополия «Филипс» уже переросла свои, определяемые ее капиталистической сутью, границы. В 1970 году «Филипс» инвестировал почти 8 миллиардов гульденов, главным

образом из своих официальных и скрытых резервов. Поскольку нельзя бесконечно расширять производство в одной определенной отрасли экономики, монополия подчиняет себе все новые отрасли, содействуя не только ускоренной концентрации капитала, но и ускорению краха капиталистического способа производства.

Приближается взрыв куда более серьезный и значительный, чем взрыв 1970 года. Карл Маркс, предвидя конец капиталистической формы хозяйства, более ста лет тому назад писал: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

СОДЕРЖАНИЕ

Рождение спрута	4
На дрожжах военной экономики	16
Секреты экономической кухни монополии	22
Беспроегрышная игра Фрица и Франца	35
«Всемирная промышленная федерация Филипс»	43
«Филипс» — злейший враг народов	54

Белодед Матвей Андреевич

Монополия «Филипс»

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*

Редактор *С. Е. Басина*

Художник *А. А. Житомирский*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *А. И. Данилина*

Сдано в набор 3 января 1972 г. Подписано в печать 1 марта 1972 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 3,36. Учетно-изд. л. 3,13. Тираж 90 тыс экз. А00043. Заказ № 1076. Цена 10 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.